

18+

Кэйкаку Ито • То Эндзё

ИМПЕРИЯ МЕРТВЕЦОВ

Хиты Японии. Аниме

Кэйкаку Ито

Империя мертвецов

«Издательство АСТ»

2012

УДК 821.521
ББК 84(5Япо)-44

Ито К.

Империя мертвецов / К. Ито — «Издательство АСТ»,
2012 — (Хиты Японии. Аниме)

ISBN 978-5-17-147432-4

Альтернативная Европа XIX века. После успешных экспериментов с оживлением мертвецов человечество находит новую рабочую силу. Мертвецы становятся неотъемлемой частью социума: грузчики, уборщики, водители кебов... Вся грязную работу отныне можно поручить этим бездушным созданиям. Во время одного из вооруженных конфликтов в Центральной Азии небольшой отряд экспериментальных «моделей» похищают и прячут в горах. Расследовать дело и узнать истинную природу нового оружия поручают молодому доктору и истинному патриоту своей страны Джону Ватсону. Восторженный студент не сразу осознает, что оказался втянут в противостояние сил, которые не остановятся ни перед чем, даже стоя на краю бездны. Оказавшись разменной фигурой на этой шахматной доске, он тем не менее должен будет приоткрыть завесу тайны жизни, смерти и истинной сущности души...

УДК 821.521
ББК 84(5Япо)-44

ISBN 978-5-17-147432-4

© Ито К., 2012
© Издательство АСТ, 2012

Содержание

Пролог	6
I	6
II	11
Часть первая	14
I	15
II	21
III	27
IV	34
V	40
VI	48
VII	54
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Кэйкаку Ито, То Эндзё

Империя мертвецов

####, ###

Project Itoh, Enjoe Toh

#####

Shisha no Teikoku

© 2012 Project Itoh, Enjoe Toh

© Старостина Е. Ю., перевод на русский язык, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

“Good old Watson! You are the one fixed point in a changing age. There’s an east wind coming all the same, such a wind as never blew on England yet. It will be cold and bitter, Watson, and a good many of us may wither before its blast. But it’s God’s own wind none the less, and a cleaner, better, stronger land will lie in the sunshine when the storm has cleared. Start her up, Watson, for it’s time that we were on our way.”

«His last Bow», John H. Watson, M.D.¹

¹ «Ах, старый добрый Ватсон! Вы неизменная константа в нашу переменчивую эпоху. Грядет восточный ветер, такой, какого Англия еще не видывала. Холоден и горек будет этот ветер, Ватсон, и многие из нас увянут под его порывами. И все же то ветер Господа, и лучшая, чистая, сильная страна засияет под солнечными лучами, когда пройдет буря. Заводите мотор, Ватсон, потому что нам пора». «Его прощальный поклон», доктор Джон Х. Ватсон.

Пролог

I

Позвольте, я расскажу о своей профессии.

Перво-наперво в нашем деле не обойтись без трупа.

В полутемной аудитории витал странный запах.

Мне пришлось вытащить из жилетного кармана платок и зажать нос. Я быстро сообразил, что это может быть. Не запах университета, а запах мертвого тела. В центре лектория восьмиугольной формы возвышался патологоанатомический стол, а рядом с ним стоял наш профессор с газовой лампой и настраивал механизм загадочного назначения. Мы с приятелем Уэйкфилдом вошли в аудиторию, заняли места на одном из рядов, что восемью секциями окружали профессора и стол, и стали ждать остальных вольнослушателей.

– Как думаешь, это... – прошептал мне на ухо Уэйкфилд, указывая в центр зала. Там, вне всякого сомнения, лежал накрытый белой простыней труп. Эти бранные останки, материал сегодняшней лекции, приковали взгляды всех студентов. Как только профессор убедился, что все в сборе, он вытащил старый добрый «люцифер»², чиркнул им об угол стола и зажег газовую лампу. К витающему по аудитории тлетворному запаху примешались едкие нотки горящего фосфора и газа. Профессор прочистил горло и сказал:

– Сразу уточняю. Материал для занятия заготовлен свежайший. Думаю, вы все слышали о скандале, который разразился вокруг Кембриджа. Так вот, знайте: в Лондонском университете таких историй не бывает. Будьте любезны учиться прилежно и держаться с подобающим достоинством.

– Ну-ну, – хихикнул Уэйкфилд, но от тяжелого взгляда профессора сжался, точно кролик. Вечно ему надо ляпнуть, а мне, его ближайшему товарищу, потом выкручиваться! Я протеже профессора Сьюарда, мне не с руки пятнать репутацию.

– Прикуси язык, дурак! – толкнул я своего приятеля, которому явно доставало такта, в бок. Уэйкфилд только пожал плечами.

Нет, оно, конечно, понятно – над таким занудой, как профессор, грех не посмеяться. Об этой новости уже кто только не написал: от уважаемых изданий типа «Таймс» до газетенки вроде «Дейли Телеграфа», которым грош цена. Речь шла о скандальном анекдоте: один профессор в Кембридже прикупил мертвое тело для своих экспериментов у расхитителя могил. Трупы нынче в дефиците, и многие исследователи, наверное, сочувствуют оконфузившемуся коллеге. Никто не спорит, рост свободной экономики напрямую зависит от рынка мертвецов, но пригодные тела не бесконечны, да и получить на материале штамп одобрения от духовенства – та еще задачка. Короче говоря, от роста спроса количество смертей не повышается, что бы там ни завещали нам отцы экономического либерализма.

– Читал? Вчера в «Дейли Телеграфе» писали... – не унимался Уэйкфилд.

– Чего еще? – огрызнулся я.

– Одна вдова прогуливалась по Пикадилли, а тут бац – ее муженек, который второго дня Богу душу отдал, на козлах сидит, омнибусом правит. Удивилась, бедняжка. Она-то была уверена, что он покоится себе в могиле.

– Хочешь сказать, его зафранкенштейнили без прижизненного согласия?

² «Люцифер» – первая марка спичек, получившая свое название за эффектность и выделение большого количества дыма. В них используется белый фосфор, в отличие от привычного нам красного (здесь и далее – прим. переводчика и лит. редактора).

- В точку! Лорд-мэр говорит, что с мертвыми в Британии до сих пор полный кавардак.
- Все так плохо?

– Судя по сводкам Скотленд-Ярда, количество дел по факту хищения тел возросло на шестьдесят процентов по сравнению с прошлым годом.

Я вздохнул. Спрос на трупы растет, а мы все топчемся на месте. Чтобы собрать больше урожая, увеличивают площадь засева, чтобы получить больше масла – популяцию скота, но с мертвыми все не так просто. Подданные Ее Величества не «произведут» больше трупов за год, если только не разразится какая-нибудь эпидемия.

– Я слышал, уже появились кладбища с круглосуточной охраной. Представляешь, работенка? Сидеть ночью среди могил, – театрально вздрогнул Уэйкфилд. – Ужасно.

– А ты что, привидений боишься? – спросил я, и мой друг покачал головой.

– Нет, духов хотя бы изучать интересно. А вот всякие вурдалаки и оборотни...

– Нет, ты положительно безнадежен.

– Уэйкфилд! – прикрикнул лектор, и мы с Уэйкфилдом замерли на своих местах. Профессор раздраженно ткнул в нас указкой. – Если вам есть что сказать по делу, спускайтесь ко мне и поделитесь с аудиторией! Может, расскажете нам про духовную эссенцию?

– Ч-что вы, профессор! Я нижайше прошу прощения.

– Тогда позвольте уж мне!

Профессор Сьюард откинул простыню с патологоанатомического стола, выставляя на всеобщее обозрение, как и обещал, чистейший и свежайший, без единой царапины, обнаженный труп. На вид я бы дал бедолаге лет тридцать пять, и, судя по отсутствию ранений, скончался он от болезни.

Тело, утратившее духовную эссенцию... иными словами, которое оставила душа, не лишено своего рода жестокой красоты. Пока его не покинула жизнь, этот труп был человеком, а после смерти превратился в неодушевленный объект... То есть все не так просто, но на подобных невредимых телах эта разница ощущается острее. До своей гибели жизнь скрывала под телесной оболочкой красоту тонко и сложно функционирующего механизма, образованного переплетением костей и сухожилий. Обнаженную вещественную красоту.

– Ватсон, сможете ответить, что отделяет живых от мертвых? – спросил профессор, и я спокойно откликнулся:

– Наличие или отсутствие духовной эссенции.

– Именно так, наличие или отсутствие духовной эссенции. Известной в простонародье как душа. Экспериментальным путем установлено, что масса мертвого человеческого тела отличается от живого на три четверти унции³. Именно это значение считают массой духовной эссенции.

Профессор направил указку на тщательно выбритую голову кадавра. На обнаженном черепе нацарапали френологическую карту по методу Галля и в разные зоны воткнули иглы. К ним, в свою очередь, крепились провода, пучками уходящие к дьявольской машине – Внедри-телю Духа, который передает мертвому телу искусственную душу, – и питающие его энергией из гальванического элемента Лекланше⁴.

– Сегодня я имею честь представить вам ведущего специалиста в области изучения духовной эссенции и бывшего наставника вашего покорного слуги, профессора из Амстердамского университета. Он прочтет лекцию, и я верю, что она подстегнет ваши умы и станет прекрасной основой для будущих изысканий... Прошу вас, профессор.

– Благодарю, Джек, – раздался голос из коридора.

³ Ок. 21 грамма.

⁴ Элемент Лекланше – достаточно мощный и дешевый химический источник электрического тока, изобретенный французским физиком Жоржем Лекланше (1839–1882) в 1865 году.

В лекторий вошел ученый весьма крепкого телосложения, лет шестидесяти на вид. Он обворожительно улыбался, но взгляд – пронзительный, без тени улыбки. Он подошел к профессору Сьюарду прямо с тростью и в цилиндре.

– Позвольте представиться. – Протянув цилиндр бывшему ученику, он обернулся к аудитории. – Хельсинг, профессор Абрахам Ван Хельсинг.

– А он разве не по вампирам специалист? Вот не думал, что у нашего Сьюарда такие учителя! – прошептал мне заядлый сплетник Уэйкфилд, и я только вяло покачал головой:

– Он изучает фольклор. Давай обойдемся без желтой прессы!

– Ничего не знаю, в «Дейли Телеграфе» его называют «охотником на вампиров»!

Профессор Сьюард бросил в нашу сторону яростный взгляд и громко прочистил горло. Я с упреком ткнул Уэйкфилда под ребра.

– Я имею честь занимать должность почетного профессора в Амстердамском университете. Находятся индивиды, которые приписывают мне степень в вампирологии и прочих странных науках. – Профессор оглядел студентов с вежливой улыбкой. – Но разумеется, диссертацию я защитил по психиатрии. В область моих научных интересов входит также и духовная эссенция. Статьи, посвященные сказаниям о вампирах, – это своего рода ответвление от моих основных занятий. Что ж! – Профессор Ван Хельсинг похлопал труп по голове, испещренной рабочими установками. – В сером веществе, сиречь мозгах, внутри этой черепной коробки сейчас ничего нет. То есть нет никакой духовной эссенции. В момент смерти три четверти унии души покидает тело. Ответьте мне, кто установил, что духовная эссенция – основа жизни человека в общепринятом смысле? Вот вы, пожалуйста!

Профессор Ван Хельсинг, должно быть, наметил жертву еще в ту секунду, когда его младший коллега сделал замечание Уэйкфилду, и трость указала на моего друга. Тот явно не ожидал такой напасти и вздрогнул всем телом. Отчаянно повертел головой и покосился на меня.

Поделом, приятель!

– Ну, э-э-э, так Франкенштейн же?

– И это все? Ответ, недостойный воспитанника Лондонского университета! – съязвил Ван Хельсинг. Уэйкфилд вжал побагровевшую голову в плечи и смиренно снес насмешку. Я знал, что он сам навлек на себя эту кару, но все же невольно посочувствовал приятелю. И поднял руку, спрашивая разрешения ответить.

– Давайте, сосед... Как вас зовут?.. В общем, отвечайте.

– Джон Х. Ватсон, – спокойно представился я и продолжил: – Считается, что идеологический фундамент этого понятия – «эссенция души» – заложил в прошлом веке доктор медицины Франц Месмер, выдвинув гипотезу «животного магнетизма». Таким образом, теорию разработал немецкий ученый Месмер еще до того, как Франкенштейн создал свое Чудовище.

– Совершенно верно. Сьюард, сдается мне, Ватсон – прекрасный студент! – похвалил Ван Хельсинг, что мне, признаюсь честно, польстило.

Вы можете подумать, что я потешил свое самолюбие за счет друга, но мне показалась нестерпимой мысль, что всех студентов Лондонского университета будут судить по мерке Уэйкфилда.

– С древнейших времен бесчисленные ученые бились над научным объяснением души. Многие полагают, что учение о духовной эссенции поставило в этом вопросе точку, но важно помнить, что к его разработке привело положение о животном магнетизме. К слову, если покопаться в записях, которые оставил после себя в Ингольштадте⁵ сам Франкенштейн, можно обнаружить, что он прекрасно знал работы Месмера. Среди историков науки уже давно принято считать, что свои идеи Франкенштейн позаимствовал именно у него.

⁵ Ингольштадт – город в Баварии (Германия), где в 1472 году был открыт старейший Ингольштадтский университет. Закрылся в 1800 году.

Студиозусы зашуршали перьями. Мы с Уэйкфилдом тоже вытащили из саквояжей тетради и бросились нагонять профессора Ван Хельсинга.

– В честь профессора Месмера его учение о животном магнетизме иногда еще называют месмеризмом. Оно гласит, что в каждом животном имеются тысячи каналов с курсирующей по ним жизненной энергией. Современная наука уже отказалась от этой концепции в пользу фаз, алгоритмов и феноменов, проистекающих в мозгу согласно учению о духовной эссенции. Но Франкенштейн в своей лаборатории в Ингольштадте развивал именно эти идеи, а понятие духовной эссенции породил в процессе, обнаружив, что она исчезает из организма в момент смерти, и позже придумал внедрять псевдоэссенцию в опустевший мозг.

– Но ведь животный магнетизм уже один раз опровергли? – спросил я.

– Вы неплохо осведомлены. Пожалуй, Сьюард может гордиться учениками, – кивнул профессор Ван Хельсинг, а профессор Сьюард неопределенно взмахнул рукой. Он меня высоко ценил. – В 1784 году король Людовик XVI основал комиссию из академиков науки, чтобы проверить теорию магнетизма, и ученые пришли к выводу, что она ошибочна. Это произошло за несколько лет до того, как Франкенштейн создал Чудовище в Ингольштадте. В наше время учение о животном магнетизме Месмера вновь обрело ценность как концепция, предшествовавшая разработке понятия духовной эссенции. А для современников ей недоставало клинической обоснованности... Ну что ж, а давайте-ка и мы попробуем внедрить псевдоэссенцию в труп.

Сьюард стал прилаживать в считыватель установочной машины, Внедрителя, перфокарту с выбитой на ней новейшей стандартной моделью Кембриджской Лаборатории Духовно-Эссенциальных Исследований. Считается, что эта система самая устойчивая из всех, которые вдыхают новую жизнь в мертвые тела. Ее создали на основе анализа бесчисленных моделей поведения, просчитанных Аналитическими Вычислительными Машинами, или АВМ. Когда карта встала на место, профессор Ван Хельсинг опустил особый рычаг на боковой панели Внедрителя. От элемента Лекланше пошел ток, Внедритель списал с перфокарты данные о модели и передал всю информацию в мозг через иглы в черепе.

– С тех пор как появились батареи Лекланше, проблема электроэнергии наконец нашла стабильное решение! – растроганно проворковал профессор Ван Хельсинг, пока мертвая плоть наполнялась искусственной душой. – Вот во времена моей юности приходилось из кожи вон лезть. К слову, Ватсон, вы знаете, как работает это устройство?

– На положительном полюсе – смесь диоксида марганца и углерода, на отрицательном – цинк. В качестве электролита выступает хлорид аммония, – без запинки отрапортовал я, и Ван Хельсинг восторженно воскликнул:

– И в химии разбирается! Во времена Франкенштейна батареи еще только-только начинали разрабатывать. Гальвани собрал первый элемент в 1791 году, почти сто лет назад. Остается только поражаться, каких трудов стоило раньше внедрять псевдоэссенции в этих бездыханных... Сьюард, не пора?

– Пожалуй.

Профессор Ван Хельсинг хмыкнул и щелкнул пальцами у мертвого уха. Студенты затаили дыхание и смотрели во все глаза. Никто из них, включая и меня с Уэйкфилдом, ни разу не видел воочию, как франкенштейнят трупы. Рядом кто-то судорожно сглотнул. Сам я и вовсе не дышал.

И тут покойник открыл глаза.

– Ох! – подпрыгнул Уэйкфилд.

Труп и сам казался озадаченным своим воскрешением. Он уставился в пространство пустыми глазами, словно пытался понять, занесло ли его в ад или рай.

У нас на глазах мертвый восстал из могилы.

Так спокойно, будто такой порядок и положил Господь.

Нельзя сказать, что к нему вернулась жизнь. Нет, перед нами был труп, который работал по алгоритмам внедренной в него псевдоэссенции. Но все равно! Только что он лежал совершенно бездыханный – и тут вдруг снова обрел способность двигаться. Мне по позвоночнику как будто полоснули ледяным ножом, и вместе с другими студентами я не мог побороть отвращения от этой неестественной картины.

Еще сто лет назад, в конце XVIII века, считалось, что жизнь вернется к мертвым лишь в час Последнего суда. Но теперь это не так. Сразу после смерти покойнику тоже найдется довольно работы.

– Мы внедрили нашему покойнику стандартный многофункциональный Кембриджский движок. Рабочим франкенам, которых используют на производстве, поверх этого алгоритма в соответствии с потребностями записывают дополнительные коды. Например, кучера, дворецкого... И конечно, профессионального рабочего. Встань! – велел Ван Хельсинг, и покойник слез со стола и вытянулся рядом по стойке смирно. – С развитием френологии мы расчертили довольно подробные карты мозга. Новейшие разработки в этой области позволили создать более естественные модели для псевдоэссенций и сделать движения франкенов намного точнее. Хотя, конечно, даже для отдаленного сходства с живыми людьми потребуется еще не меньше века... Иди!

Покойник сделал шаг, и в его походке не было и капли той естественности, что есть у нас. Он двигался неуклюже и слишком сдержанно – словом, походкой франкена. Как будто находился под водой. Губы профессора Ван Хельсинга тронула ироничная усмешка:

– Скоро стукнет сто лет с тех пор, как Франкенштейн оживил своего первого покойника... и вот предел наших достижений! Военные и рабочие франкены заполнили всю Британскую империю от Канады до Индии, но о том, чтобы мертвые начали походить на живых, мы пока можем только мечтать.

– Мне рассказал коллега из Копенгагена, – обратился Сьюард к старшему коллеге так, будто забыл, что в аудитории еще сидят студенты, – будто модели «Глобал Энтрейнмент» с полным контролем конечностей подают большие надежды.

– А, с нелинейным управлением! Слышал о них, говорят, они жутковаты. Больше похожи на живых, но что-то все равно не так... и от этого очень неприятное ощущение.

– Зловещая долина...

Как раз тут, отмеряя конец лекции, прозвучал звонок. Профессора повернулись к нам, и Ван Хельсинг смущенно улыбнулся безмолвным студентам:

– Простите, мы что-то увлеклись собственной беседой. Речь шла о духовно-эссенциальном моделировании высшего класса, пусть Сьюард вам сам об этом в следующий раз расскажет. Для меня было честью выступить перед вами.

Он поклонился, и аудитория разразилась аплодисментами.

– Удивительно, что можно вот так растолкать мертвого! – со счастливой физиогномией выдохнул Уэйкфилд, покидая аудиторию вместе с остальными студентами. Он всем своим видом излучал готовность еще раз взглянуть на оживление трупа. Я убрал записи в саквояж, поправил жилет и тоже собрался уходить, как вдруг...

– А! Ватсон! – окликнули меня. Профессор Сьюард. Я обернулся и обнаружил, что они с Ван Хельсингом оба смотрят на меня.

– Мы с профессором хотели с вами поговорить. После занятий загляните в лабораторию!

II

Мы втроем, я и два профессора, тряслись в четырехместном ландо, пробираясь под пепельным лондонским небом в сторону Риджентс-парка и минуя по пути бесчисленные хэнсомы, кабриолеты, омнибусы, брумы и прочие повозки и экипажи самых разных видов, половиной из которых правили покойники. Современный рынок лондонского труда полон мертвых рук. Наш извозчик, к счастью или несчастью, был живым.

– Простите, но куда мы едем? – спросил я у профессора Сьюарда. Тот какое-то время молчал, будто подбирая слова.

– Ватсон, вы считаете себя патриотом? – наконец спросил он в ответ.

Я мысленно отметил, что с его стороны это удар ниже пояса, но сказал:

– Да. Я служу Ее Величеству.

– Похвально. К слову, я слышал, вы в этом году после окончания медицинского факультета планировали поступить на службу в армию?

– Так и есть. Получив степень, я намереваюсь пройти в Нетли⁶ курс полевой хирургии.

– А потом, боюсь, вас отправят в Индию или Афганистан... Но вы, верно, к этому готовы?

– Безусловно, – ответил я, хотя представление об Афганистане имел наисмутнейшее. Когда услышал, что в какой-то азиатской стране началась война, то даже думал записаться добровольцем в солдаты, но зачем я тогда учился? Раз уж избрал для себя путь врача, то разумнее сделаться военным медиком.

Профессор Сьюард кивнул:

– Вы самый ревностный и прилежный из моих студентов. Если бы вы изъявили желание устроиться в большую больницу, я бы с радостью вас рекомендовал. Но ваше патриотическое сердце ведет вас на поле боя. В таком случае для вас есть работа. И никто не справится с этой миссией лучше столь серьезного и влюбленного в Отечество молодого человека, как вы.

– Вы меня заинтриговали.

– Я тоже занят в этом деле, – подмигнул профессор Ван Хельсинг. – Весьма захватывающее! Я уверен, оно окажется вам по зубам.

Наше ландо наконец преодолело Мерилибон и остановилось у старого, обветшавшего дома напротив Риджентс-парка. Его серый фасад заметно выделялся среди окружающих зданий. Сбоку от массивной двери висела неприметная медная табличка: «Юниверсал Экспортс».

– Здесь какая-то торговая компания?

– Де-юре – да. Ну, заходите.

Профессор Сьюард открыл перед нами дверь, и я прошел внутрь вслед за Ван Хельсингом. Шаги по мраморному полу отражались гулким эхом. В фойе путь нам преградила регистрационная стойка. Мой преподаватель представился рецепционистке, сказал, что ему назначена встреча с неким мистером М, и протянул свою визитку. Девушка приняла карточку, опустила ее в черный футлярчик, закрыла крышку и поставила в пневматический лифт, захлопнула герметичную дверцу и нажала рычаг. С характерным чпоком визитка улетела наверх.

– Минутку!

Вскоре звук повторился, рецепционистка достала из отсека ответный футляр, вынула оттуда какую-то записку и сказала:

– Вас ожидают. Пожалуйста, пройдите к лифту и поднимайтесь на восьмой этаж.

⁶ Нетли – имеется в виду Королевский госпиталь Виктории, крупный военный госпиталь, основанный в аббатстве Нетли, в графстве Хэмпшир, в 1856 году. Армейская медицинская школа при госпитале занималась подготовкой военных врачей.

Оба профессора даже не спросили дорогу и прошли дальше, как будто все давно тут знали. Девушка на стойке, кажется, тоже их помнила, потому что не предложила проводить. Безлюдные коридоры переплетались таким причудливым образом, что я перестал ориентироваться в пространстве. Думаю, непривычным посетителям и впрямь случалось тут заблудиться. А меж тем никто не удосужился повесить на стену какой-нибудь даже самый простенький план.

– Настоящий лабиринт! – поразился я.

Профессор Ван Хельсинг ответил:

– Так и задумывалось!

– Да зачем же?

– Чтобы опознать непрошенных гостей. Согласитесь, человек, который бродит по зданию неуверенно и явно наугад, сразу привлекает внимание. Сама планировка выявляет новых посетителей.

Наконец мы добрались до лифта, потянули рычаг, закрывая за собой дверь, и поднялись на восьмой этаж. Там профессора опять без всякой заминки провели меня через еще одну сеть коридоров и остановились перед какой-то дверью. По дороге нам то и дело попадались мертвецы в алых военных мундирах с винтовками мартини-генри на плечах. Их еще лет десять назад приняли на вооружение вместо снайдер-энфилдов. Сьюард постучался, и чей-то голос пригласил нас войти. Профессор опять открыл перед нами с Ван Хельсингом дверь, пропуская вперед. Нас встретил, поднявшись из-за рабочего стола, сухопарый джентльмен лет сорока пяти.

– Джек, Эйб, рад вас видеть! – пожал он руки обоим профессорам, прежде чем перевести взгляд на меня. – А этот молодой человек – новый участник нашей Большой игры?

– Посмотрим, захочет ли он присоединиться, – ответил Сьюард.

Я, признаться, почувствовал раздражение оттого, что они говорили обо мне так, будто меня в комнате не было:

– Я прошу прощения, но куда вы меня привели? Профессор, представьте нас! Что за игра? Зачем я здесь?

– Огоньку не найдется? – Не обращая ни малейшего внимания на мое негодование, Ван Хельсинг вытащил из жилетного кармана серебряный портсигар.

Хозяин кабинета в свою очередь извлек на свет спички с головками из красного фосфора, чиркнул одной и разжег Ван Хельсингу его сигару.

– Давайте обо всем по порядку. За раз вам на все вопросы не ответят. Присаживайтесь, побеседуем. – Амстердамский профессор подвинул мне стул, и я без всякого удовольствия последовал его совету. Хозяин кабинета, в свою очередь, присел на край стола.

– Сперва позвольте спросить...

– Как вас зовут?

– Что?..

– Имя! – воскликнул я.

Представиться в начале беседы – это элементарная вежливость. Сьюард и Хельсинг весело рассмеялись, чем вызвали у меня еще большее негодование. Хозяин кабинета никак не отреагировал на мой вопрос, и я повторил:

– Как вас зовут?

Присоединившись к общему веселью, он наконец ответил так:

– «М». Здесь меня называют М.

– А как на самом деле?

– А это вам пока что знать необязательно. Право узнать мое имя нужно заработать. Потерпите. И позвольте вернуться к теме. Итак: как вы считаете, что это за место?

– На входе висела табличка торговой компании, – все так же раздраженно отозвался я, прекрасно понимая, что это не так. М похлопал меня по плечу:

– Но вы же знаете, что это неправда. Или нет?

– Положим.

– Я понимаю, как это все внезапно. И мне очень жаль, что приходится идти на такие меры. Но вы уже не маленький ребенок, будьте любезны, перестаньте дуться.

Я вздохнул и обвел всех троих – Ван Хельсинга, Джека Сьюарда и джентльмена, назвавшегося М, – взглядом:

– Мы в здании военной разведки? В секретной службе Ее Величества?

– И что же навело вас на эту мысль?

– Когда здание планируют так, чтобы новые посетители в нем плутали, это указывает на секретность. А еще у вас в коридоре армейские франкены. Торговой компании военная охрана ни к чему, а франкен, в отличие от живого человека, не разболтает, что подслушал на службе. Они же как деревянные болванчики.

– Весьма проникательно. Вас бы познакомить с моим младшим братом.

– А кто ваш брат?..

– Частный сыщик. И весьма, поверьте в мою беспристрастность, талантливый, хотя без работы хиреет. Он снимает комнату в Монтэго, а между заказами убивает время в Британской библиотеке. Впрочем, неважно. – М поднялся со стола и встал у моего плеча. – Мы секретная служба Ее Величества. Формально находимся в ведении министерства иностранных дел, но в реальности подчиняемся напрямую премьер-министру. Даже в правительстве наше название знают лишь немногие.

– Аппарат Уолсингема, – бросил у меня за спиной Ван Хельсинг. – В честь сэра Фрэнсиса Уолсингема. Вы же знаете, кем был сэр Уолсингем?

– Начальником разведки Елизаветы I, – ответил я, не сводя глаз с лица М. – Раскрыл два заговора против королевы. Развернул сеть агентов по всей Европе.

– Верно. Один из европейских шпионов на службе у Великобритании – я, – обошел меня Ван Хельсинг, вытаскивая изо рта сигару. – Я периодически путешествую по Европе под предлогом интереса к вампирам и прочим диковинным преданиям. В том числе побывал и в Восточной Европе: в Румынии и соседних странах я изучал легенды о Дракуле Колосажателе. Да-да, в той самой Восточной Европе, на которую так облизывается российский царь. Под предлогом исследований – хотя чего уж там, исследование я все-таки провел! – я объездил весь континент на деньги Лондонского университета, а заодно составил для британской армии карту восточноевропейских стран и выяснил настроения российских подданных.

М подхватил:

– Российская империя намерена расширяться в двух основных направлениях: на запад, в Восточную Европу, и на юг, в страны Среднего Востока. По первому направлению они здорово обожглись во время Крымской войны, но в том регионе нам все еще нужны способные люди вроде профессора Ван Хельсинга, чтобы развернуть шпионскую сеть и следить за движениями русских. У царя агенты по всему миру, нам тоже нельзя расслабляться. А что до южного направления... думаю, излишне напоминать, что сейчас творится в Афганистане.

Часть первая

...Rebooting the Standard Cambridge ENGINE.

4.1.2...check...OK.

...Rebooting the Extended Edinburgh Language ENGINE.

0.1.5...check...OK.⁷

⁷ (англ.) Перезагрузка стандартного Кембриджского движка 4.1.2... проверка... Неполадок не выявлено. Перезагрузка расширенного Эдинбургского языкового движка 0.1.5... проверка... Неполадок не выявлено.

I

Звон колокола в часах на башне Раджабай лениво растекся по тропическому воздуху, и я открыл глаза.

– Джон Х. Ватсон. Бомбей, 15 сентября 1878 года.

Вслед за моим голосом по бумаге заскрипел стальной кончик пера.

Щуплый юноша сидел, выпрямившись, за безыскусным столом в комнатенке за стенами Бомбейского замка, и из-под его пера вытекали изящные строчки полукурсива. Столь ровный почерк, что его можно принять за типографский шрифт, при удивительной беглости письма стал возможен только после создания франкенов.

– Пятница, – позвал я существо, навечно застывшее в своей юности. Его перо замерло, и в следующее мгновение он скупым движением повернулся ко мне – только головой, не пошевелив плечами. Как будто ему перерубили шею и теперь он может свободно проворачивать ее вокруг своей оси. Движения этого юноши совершенны в деталях, но в целом смотрятся так себе. Как он замирает в ожидании приказа – тоже характерная примета рукотворных чудовищ. Казалось, будто отданный в его распоряжение угол мягко освещенной комнаты застыл во времени.

Сразу видно, что он не живой человек, но вместе с тем и не обычный покойник. Почему-то даже дети легко различают обычные трупы и неподвижных мертвецов.

– Зловещая долина, – пробормотал я, и Пятница, все так же не сводя с меня глаз, механически записал мои слова. Он протоколирует в тетради все, что я говорю, слово за словом. Плавное, но неуклюжее, будто новоявленный шахматный автомат Мельцеля. Чем больше ученые бьются над тем, чтобы сделать поведение мертвецов похожим на естественное, тем жутче оно кажется. Этот феномен называют «зловещей долиной». Труп – он и есть труп, но если подкрасить его макияжем, то почему-то он становится страшнее. А если еще и шевелиться начинает... Между живыми и мертвецами простирается глубокая и темная долина.

Регистрационный номер Уолсингема – Noble_Savage_007⁸, кодовое имя – Пятница. В пустой мозг внедрена универсальная операционная система на Кембриджском движке, расширенная Эдинбургским языковым, – экспериментальная двухоперационная модель. Выражаясь простым языком, Пятнице поручено вести лог моих действий, в процессе накапливая практический опыт. Об этом написано его рукой в самом начале протокола.

Пятница – мой слуга, но при этом собственность Ее Величества. Судя по бумагам, мне его выписали из отдела разработок Уолсингема, так называемой секции Q. Мертвец с записанной в него поддельной душой буравил мир живых пустыми глазами и ожидал моих указаний.

В его молчаливую голову загрузили целую гору словарей, справочников и энциклопедий, которые я собрал по всему Большому Двору в Блумсбери⁹. На ум невольно пришел каламбур: лексикон (corpus) втиснут в тело (corpus) мертвеца (corpse), как само тело (corpus) втиснуто в армейскую (corps) форму. Пускай Пятница еще только проходил стадию испытаний, но мой безмолвный друг уже умел с горем пополам делать пословный перевод. В прямом смысле ходячий словарь.

С тех пор как моя жизнь перевернулась с ног на голову в одном из кабинетов «Юниверсал Экспортс», минуло уже три месяца. Все это время я зубрил некроинженерию и доводил до ума Пятницу. Его изначально разрабатывали как полигон для испытаний языкового движка, а я обучил его переводу и стенографированию. Пока дело не касалось, собственно, речепроизводства и артикуляции, все шло неплохо.

⁸ (англ.) *Благородный_дикарь_007*.

⁹ Большой Двор – имеется в виду читальный зал Британского музея в лондонском районе Блумсбери.

Потом меня, как вы уже поняли, отправили в Бомбей. Bom Baim, «Хорошая бухта», Бомбей. Сколько ни повторяю, слова так и не обретают телесности, и я сам до конца не верю в реальность происходящего.

До стен замка докатился гром далекого взрыва. Я подошел к окну – грубому квадрату, прорубленному в массивной каменной кладке. Без особого участия посмотрел на черную ниточку дыма, поднимающуюся со стороны доков.

Фабричный Бомбей, утопающий в пышной южной зелени. В зеркальной глади его бухты дремали торговые суда с флагами всех стран, лениво курсировали буксиры, паромы, рыбацкие лодки и баржи. Люди, заметив пожар, начали размахивать цветастыми платками. Прочь от причала неровными линиями во все стороны потянулись торговые тележки. Дети с корзинами на плечах бросились врассыпную и устроили давку. И среди всего этого хаоса только мускулистые мертвецы с оголенными торсами продолжили безучастно переносить груз.

Мой взгляд остановился на большом пароходе, пришвартованном дальше того места, откуда донесся взрыв. Два флага: государственный американский с тридцатью восьмью звездами, а под ним – серебряный глаз на черном фоне. Похоже, на сей раз террористы выбрали своей целью его, но весь удар принял на себя причал. Тут я заметил среди россыпи каменных обломков на пирсе белый зонт-парасоль, раскрывшийся тут, словно цветок, совершенно не к месту. Зонт повернулся, как будто его владелицу окликнули с корабля, и девушка беззаботно помахала своим друзьям в ответ.

Нет, пожалуй, я поспешил предположить, что террористы нацелились на американцев. Сейчас Бомбей, как часть Индии, подчиненной Британской империи, превратился в пункт переброски войск в Афганистан. Правительство не делает ничего, чтобы снять международное напряжение, и ситуация накаляется. Взрывы тут уже никого не удивляют, и я сам к ним тоже привык.

Лондон, вокзал Виктория – Бомбей, вокзал Виктория-Терминус. И все. Путешествие пролетело так быстро, что оставило мне только разочарование. Дуврский пролив, Бискайский залив, Атлантический океан, Гибралтар, Средиземное море, Суэцкий канал, Красное море, Аравийское. Пейзажи разных стран пронеслись передо мной, как будто я пролистал альбом с картинками, и всего через месяц я оказался у цели.

С приближением нового столетия Земля стала значительно меньше, чем раньше.

Всего шесть лет назад один эксцентричный богач, Филеас Фогг, решил поспорить на все свое баснословное состояние, что он обогнет свет за восемьдесят дней. И вот уже предприниматель Томас Кук берется организовать любое путешествие – только сообщите в его контору, куда хотите поехать. Для того чтобы отправиться в приключение, больше не нужно тщательно готовиться: достаточно взять всего несколько чемоданов. А все благодаря надежной власти великой Британской империи.

Планета стремительно покрывается сетями. Железнодорожными, корабельными, телеграфными – все переплетается. Мозг мира Альбион и Индийский субконтинент – две большие железнодорожные сети, но им мешает пожать друг другу руки и вынуждает добираться морем от одного вокзала имени Виктории до другого еще одна великая держава, дремлющая на просторах Евразии.

За окном, заглушая крики, слились в какофонии клаксоны извозчиков и вой ручных сирен. Носилки с окровавленными телами раненых мелькали у меня перед глазами, подобно изображениям в зоотропе¹⁰.

¹⁰ Зоотроп – механическое устройство для анимации статичных изображений, нанесенных на внутреннюю сторону вращающегося барабана.

Слишком быстрое путешествие отбирает ощущение, что ты находишься вдали от дома. Тело и разум не успевают за бешеным темпом дороги. Я понимал, что все изменилось, но по-прежнему считал себя простым студентом-медиком из Лондона Джоном Ватсоном. Все казалось каким-то ненастоящим, как во сне. Купола и шпили в индо-сарацинском стиле с примесью готики, которые возвышались по всему городу, только усиливали это чувство. Смесь из средневековой Англии и романской Венеции, щедро одобренная восточными орнаментами, как будто вышла из чьего-то лихорадочного бреда.

Меня – несколько пространно – приписали военным врачом при Бомбейском замке во 2-ю алхимическую роту Ланкаширского полка 3-й бригады в составе 81-й полевой армии долины Пешавар. К началу Второй англо-афганской войны нынешний вице-король, Роберт Бульвер-Литтон, мог похвастаться, что его наспех сформированная трехчастная полевая армия из тридцати пяти тысяч человек имеет вполне представительный вид. Теперь она шагала через всю Индию, исполняя отчаянный по своей дерзости план: захватить афганскую столицу Кабул, лавиной нахлынув через Хайберский проход, долину Калам и Болан.

Новый взрыв потряхнул стены замка. Я чуть поежился.

Почти одновременно с тем, как я развернул Пятницу обратно к столу и вытащил карманные часы, раздался нервический стук.

– Открыто, – откликнулся я, дверь отворилась, и на пороге возник стройный мужчина под охраной франкенштейнов в красных армейских мундирах. Вся нижняя часть его лица скрывалась за густой бородой. Он чеканно прошагал ко мне и протянул правую руку, унизанную кольцами.

– Ватсон. Джон Ватсон, – представился я.

– Мне докладывали. Вице-король индийский Литтон, – важно назвал себя он и два-три раза мощно сотряс мою кисть, украдкой бросив взгляд за окно. Заприметив черный дым, он слегка нахмурился и скривил губы.

– Грант, – процедил мужчина, прищурившись. – Значит, на «Пинкертон» надежды тоже нет.

Это он, должно быть, увидел черный флаг с серебряным глазом. «Пинкертон» – одно из частных военных предприятий, работающих на молодые Соединенные Штаты Америки. Такие компании стремительно обрели вес, набрав солдат, в том числе мертвецов, оставшихся после Войны Севера и Юга. Теперь «Пинкертон» расширил границы влияния и вышел на международный уровень. Их логотип – глаз, символизирующий девиз «Мы никогда не спим».

Я вспомнил статью, которую читал в «Иллюстрированных лондонских новостях»:

– Вы имеете в виду – Улисс Грант?

Литтон дерзко усмехнулся:

– О, великий и ужасный восемнадцатый президент Соединенных Штатов Улисс Грант! С тех пор как его вытряхнули из президентского кресла, якобы ушел на покой и отправился в кругосветное путешествие. А на самом деле этот герой Гражданской войны поехал ратовать за «Пинкертон». Весьма, конечно, похвальное стремление, но ведь очевидно, что он пристраивает своих бывших солдат. А то ведь нельзя же допустить, чтобы они слонялись без дела по стране. Им надо пар выпускать.

– Значит, на него напали террористы? Сразу по прибытии?

Литтон отмахнулся, как будто отгоняя муху:

– Тут это обычное дело. На меня каждую неделю совершают по три неудачных покушения. Милостью этих головорезов теперь приходится таскать с собой вот этот неповоротливый привесок. – Литтон махнул через плечо на своих франкенштейнов. – Мы предвидели нападение и сразу послали в Штаты предупреждение, но они отказались от наших услуг. Решили, видимо, что будет прекрасная реклама «Пинкертону». Ну, пусть пеняют на себя!

Вице-король, совершенно не обращая внимания на предложенный ему стул, спросил:

– Как думаешь, почему «Пинкертон» подпустил мертвецов-подрывников так близко?
«Проверяет он меня, что ли?» – устало подумал я.

– Мертвецов можно переделать в самоподрывные бомбы, но для здешних мест это необычная тактика. Кажется, они называются «кричер-бомба»? Их сложно выявить без палпации, потому что взрывчатые вещества они носят не в качестве груза.

– Гляжу, ты неплохо ознакомился с местной спецификой!

Во время Крымской войны Российской империи предложили взять на вооружение подводные мины – и предложил это не кто иной, как выпестованный Санкт-Петербургом эксперт по взрывчатым веществам Альфред Нобель. Он усовершенствовал динамит, вещество на основе нитроглицерина, побочного продукта при производстве мыла. То есть динамит похож на кусок жира. В наше время в ходячих хранилищах жира недостатка нет и нет ни одного препятствия для того, чтобы химик заполнил подкожный слой мертвеца вместо жира динамитом. Разве что здравый смысл, который большинство людей от таких идей отвадит. Однако в век химии все, что теоретически возможно, осуществляют на практике – вопрос лишь в том, рано или поздно.

– Надеюсь, Гранта не задело...

– Если бы его было так просто убить, нам бы всем спалось крепче, – фыркнул Литтон.

Я ограничился кивком и стряхнул с рукава пиджака несуществующую пылинку. Вытащил из нагрудного кармана письмо от М, поправил лацканы и вернулся к тому разговору, первоначальное течение которого нарушили беспорядки снаружи.

– «Юниверсал Экспортс» выражает подозрение, что вы скрыли часть информации в интересах военной операции. Однако по долгу миссии мне предстоит внедриться на территорию Афганистана, и я имею право требовать у вас...

– За мной! – не дав договорить, скомандовал Литтон, едва пробежавшись по письму равнодушным взглядом. Развернулся и выскочил прочь, не одарив моего возмущения и крупицей своего внимания. Убедившись, что Пятница сложил тетрадь и перо в сумку, я догнал Литтона и пристроился за ним немного сбоку, а за мной зашагал своей правильной, но неестественно плавной походкой и мой подручный мертвец. Я бросил взгляд на суетливые движения военных франкенштейнов и прикинул, что им, вероятно, внедрились Оксфордский движок, но определить год его выпуска моей поспешной выучки не хватило.

– В добром ли здравии М? – гаркнул Литтон, широким шагом пролетая сквозь коридор.

Кажется, его не беспокоило, что охрана едва за ним поспевает. Я несколько сконфузился тем, что вице-король вот так запросто, во весь голос помянул моего начальника. Впрочем, он не стал дожидаться ответа.

– Хотя мне, в общем-то, на его здоровье плевать. С этим что-то случится – поставят следующего. Так что послушай меня, дружок. Дождаться еще одного агента времени нет. Следи за собой. На некроинженеров всегда большой спрос. Квартирой доволен? В замке, к сожалению, места не хватает, так что не взыщи за неудобства. Кормят вкусно? Как тебе тут у нас? Уф, жарко! Я поначалу, когда только назначили, тоже чуть не расплавился. Ничего, скоро обвыкнешься, – обрушил он на меня громогласный поток слов. Я, конечно, понимал, что тут британский штаб, но зачем же так громко кричать на такие секретные темы?..

И все же в первую очередь меня встревожило не это.

– Простите, в каком смысле «дождаться еще одного агента»?

– А, так предшественничек твой того. С концами канул. Даже до Пешавара не добрался. Растяпа оказался, а по нему и не скажешь, – загоготал Литтон.

Мелькнула мысль: а не из-за того ли он погиб, что кое-кто болтает направо и налево о своих агентах? Внезапно Литтон остановился так резко, что я в него врезался.

– Расскажи, что знаешь об Афганистане.

Я про себя усмехнулся: до чего скачет у человека мысль – не поспеешь. Похоже на невроз, но, с другой стороны, при таких обстоятельствах и в его положении это неудивительно. Мой собеседник снова бодрым шагом пустился по коридору, а я вызвал в памяти все, что узнал за последние два месяца, и заговорил ему вдогонку:

– Все началось в прошлом году с Русско-турецкой войны. Конфликт на почве восстаний в Боснии и Болгарии, который быстро эскалировал в полномасштабные боевые действия. В какой-то момент русские дошли аж до Константинополя. Война закончилась победой России, и её успех скрепил Сан-Стефанский мирный договор, но европейские державы встревожились расширением российских границ и в июле этого года провели Берлинский конгресс, в ходе которого Российскую империю вынудили отказаться от притязаний на Балканский полуостров. Западный фронт остановился, и тогда царь решил взамен усилить позиции в Средней Азии, двинувшись на юг. И отправил военному совету в Кабул подкрепление. Кабульский эмир Шир-Али отказался принять дипломатическую миссию из Великобритании. И теперь вы пытаетесь вскрыть закуклившийся Афганистан силой.

Индия, находящаяся во власти английской короны, с трех сторон защищена Гималаями, пустыней и Индийским океаном – это естественная крепость и опора Великобритании, и за укрепление ее границ ратовал ныне ушедший в отставку Гладстон. В свою очередь, новый премьер Дизраэли, ярый поборник агрессивной политики, видит спасение в динамическом равновесии сил. С учетом назначения на пост вице-короля Индии такого радикала, как Литтон, решение Шир-Али с трудом поддавалось политической логике. Верховный владыка содружества племен оступился на тонком канате и вот-вот с него сорвется.

– Большая игра! – размахивая руками, возбужденно подхватил Литтон. – Ватсон! Отвечай, почему во время Русско-турецкой войны при осаде Плевны русские потеряли больше двадцати тысяч солдат?

– Я слышал, дело в новых некрограммах... – ответил я, невольно вспоминая строгое лицо профессора Ван Хельсинга. Того самого, который параллельно с научными исследованиями работал на британскую разведку, составляя карты неизведанных земель, собирая слухи о войсках всех стран, да еще и разнюхивая причины возникновения того или иного военного учреждения. Это все рутина для шпиона, но он ведь и в научных изысканиях добился значительных результатов. Со временем я понял, что «Юниверсал Экспортс» – это не просто прикрытие для Аппарата Уолсингема. Они отправили противнику Российской империи новые некрограммы, тем самым сохранив наше преимущество и подорвав вражеские силы. В Уолсингеме действительно занимались экспортом.

Большая игра...

Британская империя играет в войну с Российской империей на большей части Евразии. Избегая по мере возможности прямого конфликта, обе страны свято блюдут свои интересы и вставляют палки в колеса противника. Пешки в этой игре – не войска. Государства устанавливают буферные зоны и бьют по рукам всякого, кто потянется сорвать сладкий плод, а порой, напротив, подстрекают его сорвать. Учинять беспорядки в других странах дешевле, чем содержать армию. Игроки – начальники разведок, которые распоряжаются своими агентами, и теперь я пополнил ряды разменных фигур. В этом смысле сам факт того, что мы вынуждены отправить в Афганистан войска, – признак неудачной диспозиции.

– Прекрасно, – кивнул Литтон, сворачивая в коридор, стены которого увивали паровые трубы. – А теперь объясни, почему Россия отступила, несмотря на то что православная святыня, Константинополь, уже маячила у них перед носом.

Такого вопроса я не ожидал. Какое-то время по коридору разносилось только эхо наших шагов, затем я осторожно предположил:

– Они слишком растянули войска, и европейцы все сильнее трепали им фланги. Улучив момент, они...

– Прекрасно, – повторил вице-король, снова меня перебив. – Понял, к информации о наутилусах у тебя доступа не было. Российская империя не могла проигнорировать три наутилуса, которые мы запустили в Средиземное море. Они не всплыли, конечно, но наделали шуму. Да уж, любит М шуточку отколоть! Отправляет человека в Афганистан и ничего ему не объясняет. Ну хорошо, а как насчет Крымских призраков?

Я силой воли удержался от вопроса про эти непонятные наутилусы и удивленно склонил голову набок, недоумевая, как это во мне до сих пор не закипела злоба по отношению к Литтону. Возможно, градус его бессвязных вопросов слишком быстро ее тушил, но, быть может, на самом деле я осознал, что таким образом он восполняет мои информационные пробелы.

– Крымских?

– Крымских. Право слово, что за задание в Уолсингеме придумали юнцу, который не знает даже таких элементарных фактов?! Или они так зубоскалят в ответ на мою критику по поводу их скрытности? Или намекают, что истинный джентльмен не станет вовсе трезвонить о своих подвигах? Или считают, что у меня слишком много времени? Это возмутительно! Я напишу ноту протеста!

Литтон без колебаний и сомнений летел сквозь хитросплетения коридоров вниз по лестницам, ныряя под старинные арки, и все больше распалялся.

– Так мы назвали отряд под предводительством безумных некроинженеров, который двадцать лет назад, в конце Крымской войны, сбежал из осажденного Севастополя. Знаешь, что они учудили? – Вице-король потряс в воздухе кулаком. – Перебрались через Черное море, засели в Трансильвании и со своими куклами основали там «автономный округ». Они натурально собирались производить мертвецов. К счастью, их инициативе помешали...

– ...Ван Хельсинг и Джек Сьюард.

– Именно так. Секция Q в Уолсингеме тогда реквизировала некротехнологии, которые до сих пор хранятся в тайне. Это хорошо, что они не оставили официальных записей по этому поводу. Трансильванское дело до сих пор не раскрыто. Все пойманные некроинженеры оказались мелкими сошками.

Пока Литтон громко причитал, какие вокруг остолопы, мы дошли до огромной двери в конце коридора. Двустворчатой, с помпезными рельефами льва и единорога. Свет тускло блестел на ее массивной поверхности. Стальные створы на высоте роста Литтона поддерживались петлями размером с чемодан. Вице-король указательным и средним пальцами вытащил из нагрудного кармана металлическую перфокарту, сверкнувшую в темноте. Провел ее через считыватель сбоку от двери, и из-за стен до нас донеслось мощное шипение пара.

Массивные створы подались к нам, открывая лестницу столь широкую, что по ней могла пройти боевым строем целая рота. В центре утопающей в подземном мраке лестницы гладкая каменная кладка образовывала транспортировочный спуск, а вдоль стен вместо перил протянулся рельс.

– Добро пожаловать в сердце Бомбейского замка! – развел руками Литтон, будто приглашая меня спуститься в пучины ада.

II

За спуском ждала непроглядная тьма.

По стенам путеводной нитью горели газовые рожки, и в их мерцающем свете из мрака выныривал лес из вертикально стоящих гробов. Свет плясал на их серебристой поверхности чарующими переливами металлического блеска, как на японских лакированных безделушках. А инкрустированные в крышки золотистые месяцы навевали мысли о ночных волнах, в которых луна разбивается на тысячи осколков.

Катакомбы под Бомбейским замком распахнули свою пасть, простираясь насколько хватало моих глаз. Куда ни глянь – ровные ряды могил. От обычного кладбища это место отличалось тем, что из земли торчали не кресты или надгробные плиты, а сами гробы. С открытыми, между прочим, крышками, так что видно спящих внутри мертвецов. Хотя нет, «спящие» – не самое точное слово. Они мертвы и не дышат, но в любой момент готовы пробудиться от смерти и прийти в движение.

Сейчас, в конце века, даже само слово «умирать» означало уже не процесс перехода в небытие, но пребывание в продолжительном состоянии ожидания.

От гробов по каменному полу змеились испещренные разными пометками газовые трубы толщиной с руку и пучки из электрических кабелей. Тут и там висели таблички – по всей видимости, инструкции по эксплуатации, но смотрелись они как неуместно веселенькие розовые и желтые треугольные флажки. Могилы этих мертвецов кощунственными эпитафиями оскверняли каракули с шифрами – будто таблички к чучелам в музее. Поистине ни с чем не сравнимое и очень практичное равнодушие.

Вокруг голов и тел внутри гробов вились бесчисленные электроды и датчики, которые считывали жизненные показатели мертвеца. Впрочем, сюда, пожалуй, тоже вкралась лингвистическая путаница: эти так называемые «жизненные» показатели отражали только состояние материи. На посеревшую кожу чья-то небрежная рука нанесла рабочие отметки.

Пока я стоял столбом, Литтон практически пропел мне над ухом:

– «Вы – наше письмо, написанное в сердцах наших, узнаваемое и читаемое всеми человеками; вы показываете собою, что вы – письмо Христово, через служение наше написанное не чернилами, но Духом Бога живаго, не на скрижалях каменных, но на плотяных скрижалях сердца»¹¹.

Вице-король картинно перекрестился.

Целый отряд мертвецов, которые только и ждут призыва. Возможно, лимб, подвешенный меж нашим земным миром и адом, похож на эти катакомбы – такое же тихое место. Или это чистилище? Я не слишком разбираюсь, в чем разница. Не допущенные ни в рай, ни в ад, эти мертвецы на веки вечные обречены зависнуть в сумраке.

Получается, подземелье Бомбейского замка оборудовано для работы с армейскими франкенштейнами. Одновременно здесь могут размещаться и обслуживаться не меньше двух тысяч солдат-мертвецов. Когда я услышал от своего собеседника это число, то обомлел, но Литтон сказал, что этого все равно недостаточно.

– Нам нужно не отдельные единицы скрупулезно настраивать, а придумать, как этого добиться на больших массах. Конечно, мертвец даже с самой базовой прошивкой будет следовать командам, пока не сгниет до скелета, но невозможно же по-настоящему воевать с кучкой недоделанных болванчиков. Академики бьются над вопросом, как сделать каждого мертвеца эффективнее, но они не понимают одной простой вещи. Эффективность больших групп измеряется по способностям самого слабого элемента.

¹¹ 2-е Коринфянам 3:2–3.

– Насколько я знаю, сейчас идет работа над гармонизирующим дополнением...

– Ну еще бы! – фыркнул Литтон. – У нас треть мощностей хваленого британского Олл Ред Лайн¹² уходит на постоянные обновления и прочую галиматью от АВМ. Зачем мы только прокладывали кабель по Атлантике и защищаем узлы связи на Суэцком канале? Все забивает болтовня нелюдей, и с каждым днем все сильнее!

Гармонизация – неотъемлемый элемент слаженной работы военных франкенштейнов. Каждый из них – довольно мощная боевая единица, но в массе они бесполезны, если не научиться координировать их работу. Любая тонкость настройки теряет всякое значение перед численностью войска. Чтобы вы понимали, даже заставить мертвецов вышагивать строем – значит уже обеспечить себе победу над большинством противников. Конечно, нельзя утверждать, что остановить наступление большого отряда мертвецов невозможно, но эта задача определенно очень и очень сложная. Представьте себе муравьев-солдат. Мертвецы не остановятся от удара саблей или пули из винтовок – если только не попасть по литографии с оттиском искусственной души. До тех пор, пока от слова «эмет»¹³ не отлетит первая буква, образуя «мет»¹⁴, мертвец продолжит безрассудно исполнять любые приказы.

Даже я понимаю, сколько вопросов появляется, стоит только задуматься о боевом потенциале этих чудовищ. Им могут дать приказ уничтожать все живое на пути, пока не поступит новой команды, и это будут уже не солдаты и даже не каратели, а самое настоящее стихийное бедствие.

Мертвому солдату в голову не так сложно вложить разницу между движениями живых и мертвецов, поскольку мы способны замечать ее на инстинктивном уровне, и никаких дополнительных механизмов тут изобретать не надо. А вот размежевать своих и чужих уже задача не из легких. Живым объяснить – проще простого, а мертвецов такие мелочи не заботят. Мы различаем врагов и союзников, руководствуясь не какими-то там медицинскими показаниями, а обычной логикой и знаниями.

Естественные, с позволения сказать, мертвецы не обладают механизмом распознавания «свой-чужой». Как они распределяют то, что видят, по этим двум категориям, зависит от приказа и вшитых в них некрограмм. В конце концов, мертвец в состоянии различить разных живых. И даже их голоса по тембру. Например, франкены-извозчики в городах не путаются, когда слышат команду из другого экипажа, но на поле боя, переполненном криками, грохотом орудий и взрывами, – это уже совсем другое дело.

Можно, конечно, пользоваться особыми паролями и цветовой палитрой, но этого, увы, недостаточно. Легкое подражание в голосах или одежде – и пиши пропало. Такое случается даже с живыми, а у мертвецов способность учитывать обстоятельства и вовсе отсутствует.

Вот, скажем, во время Сацумского восстания в Японии, которое произошло не далее как в прошлом году, мертвые войска правительства Мэйдзи чуть не пропустили переодетых в их форму мятежников через гору Табарудзака. Говорят, франкены неправильно распознали условленное знамя, так называемое «нисики-но-михата»¹⁵.

Солдаты-мертвецы только зовутся солдатами, но, по сути, они – оружие, и как оно справится с поставленной задачей, зависит от таланта живого полководца. Как нет своей воли у винтовки, так и мертвецы, попавшие в руки противника, становятся частью его арсенала. Поэтому среди мертвых войск бывают такие части, которых настроили взрываться, если через определенное время они не получат оговоренную команду.

¹² Неформальное название сети телеграфов, охватывающей территорию Британской империи.

¹³ Истина (*иэрит*).

¹⁴ Мертвый (*иэрит*).

¹⁵ Букв. «парчовое знамя», опознавательный знак японских императорских войск.

Поскольку мертвецы – простое оружие, их можно экспортировать. «Пинкертон», одно из частных военных предприятий, нередко сегодня сражается с теми, за кого воевал еще вчера, и такое может случиться в любой армии мира. Следовательно, необходимо быстро переписывать систему распознавания «свой-чужой» в соответствии с актуальными нуждами. Правительства воют от необходимости обслуживать такой поток войск и все чаще обращаются к услугам частных компаний. Воистину война – огромная индустрия.

Пытаясь облегчить эту задачу, инженеры решили внедрить в операционную систему экспериментальную некрограмму, которая использовала бы как основу для распознавания различия в мелкой моторике. Чтобы войска опознавали друг друга по малейшим колебаниям рук или спонтанно возникающим жестам. Система, слишком сложная, чтобы ее смог симитировать человек, а мертвецам такое не стоит большого труда. Главное – поставить им соответствующую прошивку. Битва полностью мертвых войск начинается с обмена сигналами операционных систем, как стычка между муравьями – с приветствия. Только они не направляют друг на друга усики, а обмениваются жестами, в том числе незаметными человеческому глазу, и определяют, к каким силам принадлежит встреченный отряд. Это похоже на то, как рыцари перед поединком обменивались формальными приветствиями.

Можно сказать, что мертвецов научили сложно зашифрованному языку жестов, понятному только им самим. Им неподвластна речь, но они представляются друг другу с помощью характерной дрожи. До языка эта система, впрочем, не дотягивает: это просто однонаправленный код. Мертвецы с одной маркировкой в операционной системе приписывают себя к одному и тому же командиру – собственно, считывают индивидуальный профиль и распознают человека как командира. Так система должна работать в идеале. Но в реальности все, разумеется, мгновенно усложняется.

Я все это знал, но чем дальше шел по этой обслуживающей мастерской, тем больше у меня ум заходил за разум. Аналитические Вычислительные Машины каждый день генерируют дополнительные данные, некрограммы записывают их на перфокарты, и этот сигнал рассылают с помощью подводных кабелей по всему миру. В настоящее время стремительно расширяющаяся всемирная сеть уже пересекла Атлантику, из Бомбея сигнал ретранслируется в Калькутту, Сингапур, Австралию и Новую Зеландию, на подходе – прокладка кабеля через Тихий океан. На том конце провода информацию копируют на перфокарту и записывают новые данные в бесчисленное множество мертвецов.

– Нам нужно не каждого солдата доводить до совершенства, а такое ноу-хау, чтоб из сотни наших мертвецов после обработки хотя бы восемьдесят потом сражались по-людски.

Литтон протянул руку к лесу из гробов.

– Проблема в том, что никто не видит полной картины, – промелькнула на его лице тень тоски. – Нам отчаянно не хватает некроинженеров. Перед тобой полуавтоматическое предприятие, тут за раз готовится и может обработаться несколько тысяч мертвецов, но среди работников не наберется и трех, которые понимают, по какому принципу тут все устроено. Чинят, если что сломалось. Это они умеют, да, но и только. Мало вставить на место вылетевший кабель, чтобы познать таинство души. Мы ставим на место шестеренки, зашиваем раны, залатываем то, что пришло в негодность, и избавляемся от тех мертвецов, которые повреждены безвозвратно... Расскажите же мне, в чем смысл медицины, доктор Ватсон!

Он не ждал от меня ответа на свой вопрос, и я промолчал. Я был принят на новую должность до того, как успел окончить университет, но М позаботился, чтобы в моих документах значилось, будто я доктор медицины. И мне не кажется необходимым лишний раз поднимать эту тему.

Я молча следовал за Литтоном через ряды гробов, и наконец мы пришли к стене, которую охраняло два охранника-франкенштейна. По мановению руки вице-короля они оставили

пост, а он вытащил из нагрудного кармана еще одну перфокарту, которую на этот раз передал мне. Кивнул в сторону считывателя, который до этого закрывали собой охранники, а сам подошел к другому, у противоположной стены. Детский, в сущности, трюк, но, похоже, этот проход открывается только при одновременной активации двух карт. Я дождался знака, и мы синхронно опустили руки к считывателям.

Раздался низкий гул, который отозвался у меня внутри, параллельно с линией кладки пробежала трещина, посыпался песок. В стене проявилась квадратной формы дверь. Литтон легонько нажал на нее с правого края, поманил меня пальцем, и я прошел сквозь еще одни ворота подземного царства.

В ноздри ударил трупный запах.

Я на своем веку успел повидать достаточно мертвецов, но тут мертвечиной воняло совсем уж невыносимо. А ведь я уже несколько месяцев живу под одной крышей с Пятницей! Уверенность, будто у меня уже выработалась привычка к этому запаху, пошатнулась, но тут я сообразил: все дело в том, что сюда примешался запах крови. Человеческие ощущения накапливаются не простым арифметическим прибавлением, а смешиваются в нелинейных пропорциях. Представьте себе, как незаметные нотки специй совершенно меняют вкус супа. Литтон, зайдя мне за спину, опустил рычаг, и тут же, издав звук сродни человеческому вздоху, загорелись газовые рожки. Помещение – весьма просторное – озарилось дрожащим светом.

У дальней стены виднелась человеческая фигура.

Человека привязали к распятию. Он безвольно свесил голову, лицо скрывали длинные тени. Беспощадно скованные металлом запястья почернели. То есть поначалу мне показалось, что несчастный прикован, но, возможно, на самом деле его прибили к кресту гвоздями. Пальцы заканчивались черными когтями. Из-под лохмотьев проглядывала бурая кожа, а тело в десять слоев крепко оплетали железные цепи.

На левой половине груди я увидел у него черный круг размером с кулак. Под забрызганной чем-то черным одеждой темнел срез цилиндрической формы. Кол... В тело вогнали кол, который потом срезали на уровне груди.

Литтон прошел сквозь это помещение, похожее на христианский храм, и остановился чуть поодаль от злосчастного. Поднял к его лицу правую руку и помахал перед носом пальцем. Голова окованного медленно поднялась... и железные зубы лязгнули прямо возле ладони Литтона. С уголка губ свесилась черно-красная слюна.

Глаза у чудовища налились кровью и выпучились, оно яростно забилось, от чего крест заскрипел.

– Vere passum immolatum in cruce pro homine: cuius latus perforatum fluxit aqua et sanguine¹⁶, – насмешливо пропел Литтон фрагмент из «Аве верум корпус» и спросил, оглядываясь на меня: – Как тебе?

– Женская особь... – кое-как выдавил я, борясь с порывами тошноты. Вице-король наблюдал за мной без тени веселья или сочувствия, но с каким-то странным блеском в глазах.

Женская особь... Церковь милостиво смотрела сквозь пальцы на мертвецов, при первом запуске одаривала их крещением, но ни англиканская церковь, ни Ватикан никогда не разрешили бы создать такое... Запретное, невозможное создание висело связанным перед моими глазами. В эпоху Ее Величества королевы Виктории такое даже вообразить себе невозможно! Это грубейшее нарушение всяких устоев и морали. Литтон же тихо спросил:

– Удивился?

Я изо всех сил пытался сглотнуть комок в горле, и вице-король отчитал меня, как нерадивого подмастерья.

¹⁶ «...воистину Пострадавшее, Закланное на Кресте за людей, Чей бок пронзенный истек водой и кровью» (лат.).

– Ну что же ты, Ватсон, не такой реакции я от тебя ждал. На тебя возлагают большие надежды! Что это за поверхностное суждение? А, слуга науки? – посыпался на меня град насмешек, но я чувствовал в этом бормотании – без тени улыбки – трепет на грани безумия.

– Но ведь...

Как и в случае с мертвецами-подрывниками, технически ничего сложного тут нет. Для некроинженерии нет разницы между мужским и женским мозгом. Но меня инстинктивно начало выворачивать от одной только мысли об этом. Разум отказывался верить, что на свете найдется человек, который готов замарать себя подобным деянием. Конечно, такая возможность существует. И я повторил себе, что все, что возможно, рано или поздно произойдет. Однако мне потребовалось все самообладание, чтобы не перекреститься. Мертвец – это просто мертвец, даже если он женского пола. Никакого здоровья не хватит каждый раз креститься при виде мертвеца.

Мертвечиха продолжала свои бесплодные попытки растерзать Литтона железными зубами и когтями, она неистово билась на кресте. Цепи, что сковывали ее, бешено звенели. Звенья на ногах так впились в ее плоть, что готовы были вот-вот лопнуть, а срез кола на груди то и дело задевал Литтона, но вице-король ничуть не изменился в лице.

– Неужели не заметил? – появилась на его губах ухмылка, тонкая, как лезвие ножа.

Я, задыхаясь, произнес:

– Эта женщина...

– Повторяешься, – скуляющим голосом ответил мой собеседник.

Я чувствовал, что у меня вот-вот подломятся колени, но усилием воли заставил себя договорить:

– ...мертвечиха.

– С чего ты взял, что это... – бросив на женщину быстрый взгляд, задал не вполне понятный мне вопрос Литтон, – рукотворный мертвец?

Да потому, что это понятно с первого взгляда! Кто еще может биться с колом в сердце, как не мертвецы, славящиеся своей выносливостью? Не говоря о том, что живые – впрочем, и мертвые тоже – сразу видят разницу. Их еще ни разу никто не спутал. Меж нашими царствами проведена печальная черта, и в ограде смерти возведены незыблемые врата, что пропускают лишь в одну сторону. Эдем оберегает херувим с мечом.

Лишенная живой стати мертвечиха, эта жуткая тварь, извивалась в своей подземной темнице. Ее почерневший от прилива крови язык змеей свешивался из неестественно распахнутого рта, и весь ее вид кричал о жажде крови. Мертвецам не нужно дышать, поэтому из них не вытянешь ни звука. Она крепко сжала кулаки и конвульсивно скребла когтями на босых ногах пол. Ее брюхо вздулось, а мышцы плеч так напряглись, что у нее чуть не лопалась рубашка. Волосы метались, как живые, а с губ брызгала черная жидкость.

Меня разбило легкой дрожью.

Плечи создания двигались, словно их дергали за невидимые нити, а пальцы, будто вырвавшись из рук кукловода, плясали вразнобой. Бедра тряслись, колени дрожали, зубы впились в язык и скрипели. Я внимательно гляделся во внутреннюю форму, скрытую в этой плоти, которая приняла женский облик. Напряг глаза, пытаюсь разглядеть символы, записанные в ее черепную коробку.

Как складно.

Она движется так, как полагается мертвецу, но очень складно. Не одно движение за другим. Несмотря на конвульсивность, движения очень последовательные и слаженные, как у живой. Как у бьющегося паука, которому оторвали лапки. Будто в эту женщину вселился злой дух и заставляет бесноваться. Это вовсе не та агония, которую мне доводилось видеть у мертвецов, а зловещее чувство, что я испытал при виде нее, имело совсем другую природу. В ее человеческую оболочку будто вложили предсмертные корчи сразу нескольких существ.

– А что у нее за операционная система?..

Литтон закивал.

– Правильно. Если верить анализу наших работников, то этой леди внедрили базовый Оксфордский движок.

– Но ведь не только?

– Весьма проникательно. Жаль только, что так медленно! – саркастически усмехнулся вице-король.

– Новейшая модель из Российской империи?

Литтон только пожал плечами.

– Говорят, какое-то неизвестное дополнение восточного типа поверх системы. Кстати, та же версия Оксфордского движка, что у моделей, которые Ван Хельсинг передал в Болгарию незадолго до начала Русско-турецкой войны. Гармонизация похожа на Московское дополнение, но детали пока уточняются.

– Вы намекаете, что утечка произошла через болгарскую армию?

– Любые тайны утекают. Это неизбежно, когда предоставляешь некрограммы третьим сторонам. Впрочем, именно поэтому их необходимо постоянно обновлять.

«Очевидно же», – хотел, судя по холодному смешку, добавить Литтон. В конце концов, некрограммы – это просто набор символов. А раз так, их можно переписать, размножить и передать по проводу. Все, что может быть скопировано, однажды попадет в чужие руки.

– Весь вопрос в том, – засмеялся вице-король, – только ли Оксфордский движок ушел на сторону.

Новая модель с плавными движениями, соединяющая в себе лучшие качества двух технологий...

– Крымские призраки?..

Литтон поднял на меня темные глаза и расхохотался. Смахнув слезинку, он ответил:

– Теперь понял? Некроинженерная техника, которую не смог искоренить профессор Ван Хельсинг со товарищи. *Как выяснилось*, не смог. Уолсингем пытался ее скрыть.

У меня в голове эхом пронесся разговор Ван Хельсинга со Сьюардом: «Модели “Глобал Энтрейнмент” с полным контролем конечностей подают большие надежды». – «А, с нелинейным управлением. Я слышал».

Вице-король отвернулся от бушующей мертвечихи.

– Перед тобой... – бросил он на выходе из помещения, не оборачиваясь, – жительница «царства мертвецов», в которое тебя отправили.

Свет погас, и во тьме голос Литтона сплелся с лязгом цепей.

– Ты должен понять, кто твой истинный враг.

III

Позвольте рассказать вам байку.

Дело было три года назад, зимой 1875 года.

Капитан британской армии Фредерик Густав Барнаби, предвкушавший солнечные ванны на Африканском фронте, внезапно придумал попроситься в отпуск и отправиться в северные широты повидать русскую зиму. Шесть с половиной футов росту, двести двадцать фунтов весу¹⁷ – словом, здоровенный шкаф, который ну никак не тянет на шпиона, захотел собственными глазами поглядеть на Российскую империю, о которой ходило столько толков.

Вряд ли, конечно, от отвечал на закономерные вопросы о целях своего визита, что ему просто любопытно, но и легенды никакой для своего путешествия придумывать тоже не стал. Везде назывался настоящим именем, просто взял и приехал в одиночку в морозный зимний Петербург, и Российская империя не придумала, что с ним делать. Пока правительственные чины ломали головы, Барнаби спокойно укатился на санях на восток и успешно осмотрел Среднюю Азию, куда до тех пор не ступала нога англичанина. Короче говоря, пробивной оказался человек.

Он выехал из Лондона, прибыл в Петербург, через Москву добрался до Черного моря, оттуда двинулся на юг к Афганистану и остановился в Хивинском ханстве¹⁸ на северной с ним границе. Тут, к счастью для Российской империи, отпуск у него закончился, но по возвращении на родину он опубликовал записки о своем путешествии, «Поездка в Хиву», и эти совершенно не военные хроники покорили сердца читателей всех социальных слоев.

Читать про такого Барнаби весело, а вот повстречать лично – не очень.

– Да что ты нос-то воротишь? Сыграешь в ящик – так я и твое тело домой отправлю. В наш век можно и после смерти Родине послужить! Так что не переживай!

Да, вот в чем меня с порога беззаботно заверил сей персонаж.

– Вы так поступили с моим предшественником?

– Ага, – скорбно закрыл глаза Барнаби... не столько закрыл, сколько моргнул. – Не повезло бедняге.

Коротко, ничего не скажешь.

– Напиши, что я красавец, – обратился он уже к Пятнице, который вел свой протокол в сторонке. И тот прилежно записал: «Сэр Фредерик Барнаби, самопровозглашенный красавец».

1 ноября 1878 года, север Карачи, река Инд.

Мы с Пятницей по указанию Уолсингема сели на баржу в компании сего неприятного джентльмена. Не обращая ни малейшего внимания на неудовольствие экипажа, этот тип подвесил на палубе гамак и обустроил себе место. Пятница присел рядышком, уложил планшет на борт и молча продолжил вести записи.

Мы плыли вместе с подкреплением, следующим в Ланкаширский полк в составе 81-й полевой армии долины Пешавар. Меня на борт пустили по перфокарте с информацией о моей персоне, а Барнаби добился того же самого эффективным применением грубой силы. Похоже, для человека, которому в одиночку проникнуть в зимнюю Россию – как сходить по желуди в ближайшую рощицу, понятие «бумажной волокиты» неведомо.

В этих краях баржа – один из главных видов транспорта. Если путь от Лондона до Бомбея занимает всего месяц, то путешествие по Индии, подконтрольной Великобритании, до афган-

¹⁷ Около 198 см и почти 100 кг.

¹⁸ Хивинское ханство – принятое в российской историографии название среднеазиатского государства Хорезм. В настоящее время территория древнего Хорезма входит в состав Узбекистана и Туркменистана.

ской границы – где-то три. Конечно, частному лицу добраться до цели – не то же самое, что перебросить целую армию, но в любом случае сухопутный маршрут без железной дороги требует времени, а пропускная способность у рек ограничена.

Будь на Земле одна сплошная суша, едва ли Британская империя добилась бы своего нынешнего могущества. Для эффективного управления важна скорость: подумайте только про вечное соперничество Британской империи, покорившей полмира за счет проложенных магистралей, и неповоротливой Российской, которая железной рукой оберегает свои границы и при первой возможности их расширяет.

От точки к точке мы продвигались вперед. На любом отрезке маршрута нас окружали мертвецы. Спокойные, тянущие плуг вместе с быками, или целые процессии скованных цепью, несущих грузы мертвецов. Мне сразу вспомнилась колонна из сотни таких вот мертвых работников, которые тащили большое судно через Суэцкий канал.

– Почему бы не надеть мертвых быков и лошадей? – легкомысленно предложил Барнаби, и я не стал отвечать, что медицина пока попросту не научилась реанимировать других существ, кроме людей.

Перебравшись из Бомбея в Карачи, мы теперь поднимались вверх по течению Инда. Пересечем Раджпутану, окажемся в Пенджабе, оттуда двинем на север через Кафиристан – и в горы, в Гиндукуш. По дороге, в Пешаваре, я собирался встретиться с российским агентом, к которому до этого стремился Барнаби, да только потерял по дороге напарника. Пешаварская полевая армия под командованием сэра Сэмюэля Брауна развернула боевые действия в Хайберском проходе, в тридцати милях от самого города, и подкрепление, к которому нам так любезно разрешили присоединиться, как раз следовало туда же.

Вьючные лошади и ослы уже привыкли к мертвецам, но слоны от них пока еще шарахались. Вдруг, к своему немалому удивлению, я увидел на берегу цепочку верблюдов: до сих пор я полагал, что они обитают только в пустынях.

– Так это и есть пустыня, – поморщился в ответ на мое изумление Барнаби. – Чем дальше на север, тем меньше осадков, вся вода – от вечных снегов. Тут очень сухо. Вот ты что себе представляешь, когда слышишь «Гиндукуш»?

– Снежные вершины?..

И действительно, по мере продвижения на север зелень чахла. Сколько хватало глаз, буйные заросли сменились возделанными садами. За то, чтобы посадки не увяли, отвечали системы орошения. Раз мать-природа не одарила этот край своим благословением, остается только заменить ее заботу человеческой наукой. Инд проистекает из Гиндукуша, и река вместе с его землей и песком несет к своей дельте питательные вещества. Но на карте река – это тонкая линия.

– Большая часть континента – белые пятна, – объяснил Барнаби. – Мы имеем о тех местах очень смутное представление, но тут ничего не попишешь. Там, собственно, и представление составлять не о чем. Одна сплошная величественная природа, далеко за рамками людского разума. В основном, правда, скалы и песок.

– Там, где есть земная твердь, пройдет и нога человека, – пожал я плечами на философскую речь своего нового напарника. Тот обернулся ко мне.

– Твердь-то там есть, – поколебавшись, сказал он. – Как ни странно.

И зачем-то продолжил:

– Как ни странно, в подобных краях, на лоне природы, обостряется чувственная натура человека. Остаются только непосредственные впечатления, а слова и прочая шелуха миготом отпадает. Кроме парочки самых общих, «холод» и «боль», да и они превращаются в незамутненное ощущение, в очевидную истину. В подобных местах бывает что угодно. Когда утрачиваешь речь, грань между фантазмами и реальностью тоже исчезает. Это страна-мираж. Тебе

кажется, что Афганистан – это просто очередной военный театр, но там само мироздание не такое, как у нас. Ты, наверное, веришь в существование государственных границ?

– А их нет?

Признаться, мне даже в голову не приходило, что это может стать предметом обсуждения.

– Точно не в том смысле, как полагают Британская и Российская империи. Глупо прозвучит, но в тех краях до сих пор нет даже военных карт. Можно сколько угодно бодаться за бумажки и линии, но в таких местах становится очевидно, что это всё фикция.

– Но там же живут люди. А раз живут, то разве границы для них мираж?

– Эх вы логично рассуждаете! – хохотнул Барнаби. – Ясное дело, что там живут люди. Это с древних времен важный перевалочный пункт между Востоком и Западом. Империи появлялись и распадались. Среднюю Азию, знаешь ли, называют «кладбищем империй». Но мы с тобой тоже не жить туда едем. Люди проходят, а это место – как коридор. Пока ты там, оно реально. Но стоит уехать – и ты больше не осмыслишь и даже не вспомнишь, что только что был высоко в горах. Понимаешь, эта страна существует не в голове. А только в рассказах, которые люди передают друг другу. Правда, кабинетные крысы вроде М никогда этого не поймут.

Я решил, что пора выбираться из этих философских дебей:

– Но раз так...

– Раз так – смотри-ка!

И Барнаби из своего гамака весело покачал в воздухе невесть откуда взявшейся бутылкой эля.

Моя миссия началась с разговора, который Барнаби случайно подслушал в Хиве.

Мол, один из отрядов российского военного совета покинул Кабул и выдвинулся в сторону Памира.

Это явно было какое-то стратегическое подразделение, но вот чего британское командование никак не ожидало, так это что кто-то перепутает, в какой стороне фронт. С кем русские собрались воевать в зимнем Памире? С китайцами, что ли? Когда Барнаби спросил об этом, ответ его несказанно удивил:

– С русскими.

– С товарищами, что ли, поссорились? – простодушно спросил Барнаби, а у его собеседника на это уже было готово остроумное замечание:

– Ну, если вы там, на западе, мертвецов за товарищей почитаете...

– И правда. Зависит от того, чьи мертвецы!

– А как это – чьи? Все они в руках Аллаха. Потомков адитов лучше всего не трогать.

– Разумно! – восхитился путешественник, поспрашивал еще про этот случай, счел, что он достаточно серьезный, и отправил рапорт в Уолсингем. В «Поездке в Хиву» этот эпизод, разумеется, не освещается. Тут-то Уолсингем и схватил Барнаби за шкуру и забросил в самую гущу событий. Казалось бы, зачем приставлять к нему еще кого-то? Но я понимал ход мыслей М, который отправил меня с этим человеком. Афганистан – это слишком тонкое дело, чтобы стрелять по нему из пращи и ничем не ограничивать полет камня.

Если за Барнаби не приглядывать, то этот неудержимый субъект, чего доброго, еще ворвется в окружение войск Цзо Цзунтана, подавившего восстание Якуба-бека в Кашгаре, и радостно развяжет тройственную войну между Россией, Великобританией и Великой Цин. Не человек, а ходячая бомба.

– Вот это было грубо!

Я оставил возмущение вояки без внимания. Мы потратили несколько недель драгоценного времени на то, чтобы замаять фарс с «Пинкертоном». Мало того что тех мертвецов-подrywников изначально подослали именно к этой ходячей катастрофе, а он спихнул их на американцев, но потом Барнаби стал налево и направо называть свое имя, привлекая к себе

внимание, и я осознал, с кем имею дело. Тем не менее обстоятельства сложились так, что за это время я стал обязан неординарным способностям этого человека жизнью. Правда, мне больше нравится считать, что это не более чем случайность, и вообще, без него и вовсе не случилось бы войны, так что и благодарить его не за что.

Когда Уолсингем провел расследование по наводке Барнаби, всплыло одно имя.
Алексей Федорович Карамазов.

Так звали того самого человека, что покинул военный совет и увел один из взводов. Он направился на север Афганистана и задумал основать новое царство, где все подданные – мертвецы. Уолсингем попытался прощупать почву, и, ко всеобщему замешательству, Третье отделение собственной канцелярии российского императора не просто подтвердило сам факт, но и поделилось информацией сверх необходимого минимума. Оказалось, что русским это новое царство тоже свалилось как снег на голову. Получив сведения от Уолсингема, Третье отделение отправило своих людей в Кабул самыми быстрыми лошадьми, и наконец...

– После легкой конфронтации с разведкой ситуацию взяли под контроль, – доложили им. Похоже, произошла внутренняя неразбериха. Происшествие не сразу заметили из-за того, что в диких землях на границе человеческой цивилизации, куда не протянут телеграф, скорость информации зависит от длины лошадиных ног.

– Российская империя не рада новому участнику Большой игры, – ответило Третье отделение, и с того момента Аппарат Уолсингема и российская канцелярия решили распутывать дело о Мертвом царстве сообща.

Их человек должен был присоединиться к следовательской группе в Пешаваре, которая оттуда отправилась бы в карамазовское царство...

Я воздержусь от комментариев по поводу того, насколько удачным мне казалось решение назначать на это дело легкого на подъем Барнаби. Мое возражение все равно отклонили, оставалось только подчиниться приказу. Я решил, что он хотя бы в проводники сгодится, однако и тут этот человек не оправдал моих ожиданий. Вояка быстро дал понять, что он из тех, кто прорубает дороги там, где их нет. Конечно, буйный нрав жеребца умиряет умелый наездник – но одного наездника Барнаби со своей спины уже сбросил.

– Эти новые подрывные мертвецы странные, – оправдывался он.

Когда Барнаби с моим предшественником направлялись в Пешавар, чтобы встретиться с российским агентом, мертвецы напали на них в форте Атток, расположенном в месте слияния Кабула и Инда, и мой предшественник погиб. Барнаби спасся, но только потому, что «вышел сложением». Справедливости ради я должен пояснить, что основной удар пришелся именно по Барнаби, а агент в ту секунду стоял у него за спиной. Действительно, можно сказать, что ему просто не повезло. Барнаби раздавил бедолагу, отлетев к каменной стене.

– Я достаточно навидался мертвецов-подрывников, но эти другого сорта. Они сразу нас заприметили.

– Мертвецы хорошо определяют на вид живых.

– Ну, пока сам не увидишь – не поймешь. – Барнаби решил не спорить и не углубляться в детали.

Ту женскую особь, которую мне показали в подвалах Бомбейского замка, поймал тоже он. Сказал, что вогнал ей кол в сердце, чтобы не взорвалась, хотя с медицинской точки зрения в этом не было никакого смысла.

– Мертвецы, вампиры – все едино, – пожал плечами бравый авантюрист. Профессор Ван Хельсинг от такой ереси, наверное, упал бы в обморок.

Потом, когда стали разбираться, выяснилось, что взрыв должен был произойти через установленный промежуток времени, и уничтожение сердца действительно остановило механизм, но ведь это везение чистой воды и ошибочная атрибуция причины к состоявшемуся

следствию. А Барнаби со всей возможной расторопностью взвалил на плечи своего напарника с переломленным хребтом и мертвечиху с колом в груди и вернулся в Бомбей.

«Лучше б его тоже домой услали», – в очередной раз мысленно вздохнул я.

Черт с ними, с деталями. Но дело правда очень странное, многое не стыкуется. Забудем на время об интересах Уолсингема, но, предположим, Афганистан, который и так получает поддержку российских инженеров, успешно запустит вместе с ними новую линейку военных мертвецов и те заменят старые модели. Разве стране это не выгодно? Может, им не хватает оборудования? Или опытные образцы слишком дороги? Возможно, у новой линейки есть какой-то роковой недостаток?

Или Карамазов увез с собой секретную технологию и производство встало?..

Барнаби развалился в гамаке и уснул. Я оставил его в покое, вытащил из мешка кипу документов, завернутых в кусок макинтоша, и развернул их. Это копия данных, которые переслали по телеграфной сети в штаб Бомбейского замка, а именно тексты и бертильонаж¹⁹ с физическими характеристиками некоторых лиц, засекреченные кодом Доджсона. В Пятницу был установлен простой механизм дешифровки, и эту гору бумаги он выдал после обработки.

Я сел, прислонившись к борту нашего судна, и в который раз изучил записи о предполагаемом царе Мертвого государства. Я уже выучил эти строки наизусть, но до сих пор не понял, что же он все-таки за человек.

Алексей Федорович Карамазов. Уроженец города Скотопригоньевск.

Третий сын помещика Федора Карамазова. В этом году ему исполнилось тридцать три года, значит, он старше меня, но младше Барнаби. Вроде он раньше как-то участвовал в делах церкви, но вернулся в мир после смерти человека по имени Зосима. Насколько ясно из отчета, все дело в том, что от тела старца повеяло тлением. Похоже, Алексей довольно сентиментален.

У него двое старших братьев, Дмитрий и Иван. Братья в целом относились друг к другу с любовью, но после загадочной гибели отца, Федора, судьба семейства перевернулась с ног на голову. Среди этой кутерьмы умер слуга по фамилии Смердяков, второй сын Иван сошел с ума, а старший, Дмитрий, взял на себя вину за отцеубийство и был сослан в Сибирь. От рода ничего не осталось.

Все эти подробности стали известны потому, что на родине инцидент получил широкую огласку и Третье отделение не сочло необходимым скрывать данные, которые и без того печатали в газетах.

После гибели Федора Карамазова следы Алексея расплываются и теряются. Вроде бы он отправился в Москву и снова поступил в духовную семинарию, остались записи о том, что он участвовал в деятельности подпольной антиправительственной организации «Деятели», но, если бы он был революционером, кто бы такого человека отправил в составе военного совета в Кабул? Совершенно естественно заключить, что он на самом деле служил правительственным агентом.

Он окончил семинарию, и его, как заведено, отправили в колонии Сибири, но по каким-то причинам несколько лет спустя он занял там должность надсмотрщика. Возможно, стало известно его происхождение и его прикрытие раскрыли. Во время приготовлений к Русско-турецкой войне вызвался служить полевым священником в авангарде подразделения, созданного для улаживания дел с Кабулом. И тут этот неожиданный мятеж с военными мертвецами. Погиб в ходе его подавления. На этом его карьера, казалось бы, должна была закончиться.

¹⁹ Бертильонаж – система идентификации преступников, названная по имени своего изобретателя Альфонса Бертильона. Основывалась на девяти ключевых показателях, среди которых замеры роста, длины туловища, конечностей, ушей и т. д. Широко использовалась европейской полицией в XIX веке до внедрения дактилоскопии.

Однако сотрудник аппарата Уолсингема зачеркнул слова о гибели двойной линией.
Человек, отказавшийся умереть.

Запись о том, что он служил надсмотрщиком в Сибири, в который раз притянула мой взгляд. В Сибирь сослали его брата Дмитрия. Мне хотелось думать, что, возможно, Алексей отправился спасать брата. Это, конечно, больше похоже на сюжет приключенческого романа, но ведь естественно предположить, что восстание в Кабуле спровоцировано чем-то, что он увидел в поселениях. Однажды он уже усомнился в вере и вернулся в мир, стал работать на тайную полицию, а когда в Сибири собственными глазами увидел ад на Земле, то решил поднять знамя восстания и основать государство мертвецов.

Возможно, Алексей считает себя новым апостолом Петром и потому повел за собой мертвое стадо?

Мне много раз доводилось слышать про каторгу в Сибири. Можно сказать, она куда больше достойна звания «Царство мертвецов». Это безмолвный загон с людьми, которых переводит в цифры и которыми распоряжается московская Аналитическая Вычислительная Машина «Иван».

В бертильонаже Алексея значился его рост и вес, соотношение длины рук и ног, форма его головы – не более того. Судя по конфигурации черепа, этот человек весьма одарен умом, но в карточке никак не комментировались морщины, изъевшие его исхудавшее лицо. Потому что Аналитическая Машина бесполезна, когда дело доходит до выявления индивидуальных особенностей человека.

Этот человек предпочел окружить себя мертвецами и смотреть на пустынный пейзаж, и едва ли его лицо теперь хоть изредка озаряется улыбкой. Или же он, напротив, не прекращает хохотать?

Я отбросил записи на мешок.

Мертвое царство. Рай для мертвецов. Говорят, что Эдем, рай на Земле, когда-то располагался в Гималаях. Такие толки ходят среди людей вроде популярной нынче в Штатах мошенницы, называющей себя «теософом», – мадам Блаватской. Из Эдемских садов истекает четыре реки. Само слово «Пенджаб» вроде как значит «Пятиречье». Это про Инд и его притоки, Джелам, Чинаб, Рави, Сатледж²⁰. Значит, выходит, меня сейчас несет по волнам дороги, ведущей в Эдем? Я устремил свой взор в бесшумные воды, и мне подумалось: а ведет ли наш век науки и мертвецов человечество в рай?

Адиты, про которых Барнаби рассказали в Хиве, – это, как я понимаю, древний народ неверных, что отказался от Аллаха. Я поискал в библиотеке Пятницы и нашел вот что: они возводили «на каждом холме по примете», то есть по высокому зданию, и «хватали людей, подобно деспотичным тиранам»²¹. Это был народ великанов, сильных и рослых. Они прогневляли Аллаха, и их город погребла песчаная буря. Говорили также, будто их рост составлял сто локтей, что даже для великанов как-то слишком, но, вероятно, это метафора, призванная отображать их силу.

Мертвое царство. Второй Эдем.

Первого человека звали Адам.

В моей голове мелькнуло сомнение: не Адам ли первым и умер?

Второй Адам – Иисус Христос. На месте его погребения – храм Гроба Господня. Иисус был распят на кресте, а три дня спустя чудесным образом воскрес. Не хочет ли стать Карамазов третьим Адамом?

Первым воскрес Христос.

²⁰ На самом деле у Инда пять крупных притоков, давших название Пятиречью, – авторы опустили приток Биас.

²¹ Коран 26:128–130.

Вторым же... Гений Франкенштейна распахнул врата ада до Судного дня, обещанного нам Книгой Откровений, и ад хлынул на Землю. Я начал думать, что Чудовище Франкенштейна – второй Христос, но тут же оборвал свою бесплодную умственную игру.

Алексей Карамазов, тридцать три года.

А ведь, кстати, и Христа распяли в тридцать три...

IV

Глава статистического департамента национального общества Красного Креста Флоренс Найтингейл выдвинула три принципа, которые почему-то стали известны под названием «законов Франкенштейна». А именно:

1. Запрещено создавать мертвецов, которые не будут отличаться от живых.
2. Запрещено создавать мертвецов, превосходящих живых своими способностями.
3. Запрещено внедрять псевдодуховную эссенцию живым.

Эти заветы, как нередко бывает, казались несколько оторванными от реальности, но на медицинском факультете их все-таки вбивали в головы студентов как основу основ. Двадцать лет назад Найтингейл, тогда еще медсестра, лично столкнулась с трагедией Крымской войны, и, судя по всему, развитие некроинженерии рисовалось ей в мрачных красках. В те годы, когда еще только ставили первые эксперименты и военные мертвецы, совсем неповоротливые, с трудом соединяли команды в цепочки, она предсказывала, что вскоре их доведут до пугающего совершенства. Но сейчас кажется, что ее опасения были напрасны.

Если бы она выдвинула свои принципы сейчас, то их бы следовало сформулировать подобным образом:

1. Мертвец не может причинять вред живому или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинен вред.
2. Мертвец должен повиноваться всем приказам, которые дает живой, кроме тех случаев, когда эти приказы противоречат Первому Закону.
3. Мертвец должен заботиться о своей безопасности в той мере, в которой это не противоречит Первому и Второму Законам.

Найтингейл предвидела шок, который вызовет в обществе появление мертвецов, и старалась настроить общественное сознание таким образом, чтобы предотвратить возможный ущерб, – пожалуй, в некотором смысле она стояла впереди эпохи. И все же законы Франкенштейна показывают, как сложно предсказать течение научного прогресса. Мертвецы застряли на том берегу зловещей долины, и инженеры могут только мечтать, чтобы их детищ путали с живыми людьми. Мертвецы могут выполнять многие задания лучше живых, но то же самое можно сказать о большинстве механизмов. Скажем, Аналитическая Вычислительная Машина славится скоростью вычислений, многократно превышающей человеческие способности, пароходы значительно быстрее плавают, с плугом значительно проще пахать землю, чем голыми руками. И не найдется ни одного человека, который по собственной воле позволит внедрить в свой разум некрограмму. Да живой мозг и не примет в себя это громоздкое чудовище.

Никто не станет спорить, что величайшее достижение Найтингейл – применение принципов санитарии при оказании помощи раненым и что благодаря ее трудам смертность в госпиталях кардинально снизилась. Этим она оказала обществу неоценимо большую услугу. Есть даже своя ирония в том, что этой своей службой мисс Найтингейл лишила общество осязаемой части «сырья» для массового производства мертвецов.

Для убедительности своих аргументов эта леди произвела статистические расчеты, которые сильно повлияли на тыловое обеспечение и другие армейские структуры.

Из-за широкой славы упомянутых законов одна из организаций, подчиненная Красному Кресту, стала называться Аппаратом Франкенштейна, и из-за этого легко забывалось, какую большую роль сыграла Найтингейл в ее учреждении. Цель Аппарата – оценивать и отслеживать

численность мертвых войск в разных странах. Это международная организация, которая не спускает глаз с новых разработок. В каждой стране, конечно, своя политика, но по крайней мере на бумаге прописаны именно такие принципы. При необходимости Аппарат имел право организовать экспертный отряд для расследования.

– Ватсон. Джон Ватсон.

– Николай Красоткин, – с прекрасным английским выговором представился, протягивая мне руку, молодой человек примерно моих лет. Мы встретились в кафетерии Пешавара. Архитектор спланировал здание на западный манер, но стены испещряли арабески. Я чувствовал, что и ковер в глубине зала повесили в основном для того, чтобы окунуть гостей в восточную экзотику. Пешавар – древний центр торговли, все здесь пронизывали причудливые завитки вязи, где конец не отличишь от середины предложения, и люди тут прекрасно знали, как обходиться с чужеземцами. Барнаби с насмешкой наблюдал, как меня со всех сторон облепляют торговцы, и в итоге прошляпил свое портмоне, а у Пятницы в волосах откуда-то взялись белые цветочки.

Кафетерий напротив каменной улицы выбрали русские.

Агент Третьего отделения. М уже передал мне его бертильонаж с описанием внешних данных и краткую биографию. Но все же этого молодого человека я представлял себе совершенно иначе.

– Член экспертной комиссии Аппарата Франкенштейна, – протянул мне перфокарту Красоткин. Я подумал, что не бывает экспертных комиссий из одного человека, но вместе с тем отметил: к сотруднику международной организации не придрались бы даже в Англии.

– Прекрасная легенда.

– Пешавар – нейтральная территория, но и тут, согласитесь, бывает ветрено, – невозмутимо отметил Красоткин.

С первого взгляда понятно, что русский. Молодое, типично русское лицо, немного слишком правильное. Еще несколько лет – и, наверное, станет таким же грубым медведем, как все они. Я тихонько помолился про себя, чтобы этот юноша поскорее состарился.

– Не люблю притворяться. Но я в самом деле изучал в Московском университете математическую теологию, так что документы ничем не отличимы от подлинных. Если расследование завершится успешно, их даже в Красном Кресте признают.

– Хотите сказать, после такого дела у них не останется выбора?

Красоткин пропустил мое замечание мимо ушей и проводил взглядом английские войска, марширующие мимо кафе с мартини-генри на плечах. Каждый раз, когда кто-то обращал внимание на его необычную внешность, он беззаботно махал в ответ рукой. То ли бдительности ему не хватает, то ли он просто сама невинность. Правда, если попадется местным, то даже мне будет сложно вытащить его из передраги. Должно быть, и место встречи он выбрал напротив оживленной улицы, а не в каком-то закоулке, потому что боялся действовать в одиночку. Красоткин поставил чашку на место и сказал:

– Вы довольно долго добирались.

– Приключения, – коротко объяснился Барнаби. Кажется, он на каком-то зверином уровне сразу невзлюбил русского юношу. Красоткин делано похлопал ресницами и склонил голову набок. Мне он показался олененком предо львом... хотя скорее даже газелью перед гориллой.

– А вы, стало быть, тот самый капитан Барнаби, что первым услышал про мертвое царство?

Мой напарник нахмурил брови и начал нервно стучать по столу пальцем, похожим на жирную гусеницу. От мелкой дрожи по поверхности чая в его чашке из веджвудского фарфора пошли круги.

– Как эта принцесса собирается штурмовать горные ледники?

– Вы полагаете, что знаете о снегах больше русского человека?

Чуть задетый, Барнаби фыркнул и откинулся на спинку стула. Ноги на стол не закинул, но, полагаю, только потому, что не был уверен, выдержит ли. Да, признаться, на фоне этого шкафа напрашивалось сравнение с хрупкой барышней. Не говоря уж про руки и плечи, у него все тело представляло собой гору мышц, и Красоткин смотрел на Барнаби без тени страха, зато с неприкрытым восхищением.

– Неудивительно, что вы пережили русскую зиму... Впрочем, чтобы выжить в снегах, нужны не сила и не упорство.

– Знаю, – отвернулся Барнаби.

Красоткин чуть пожал плечами, а потом обратился уже ко мне:

– Это непросто понять человеку, который не привык к холодам, но в мороз остается только смириться. Особенно когда надо не просто пробежаться до соседнего дома, а пересечь огромную снежную равнину. Лучше всего расслабиться и принять то, что тебя окружает, так сказать, слиться с холодом. Сопротивление бесполезно.

– Подобно мертвецу? – Я вскинул брови.

– *Perinde ac cadaver*²²! – процитировал Красоткин основу устава иезуитов, вдобавок картинно крестясь, и я решил не спорить с его антинаучным высказыванием. Барнаби зыркнул на меня: мол, я ж говорил, невозможный тип! Скрыть свой взгляд он не сумел, и Красоткин его тоже наверняка заметил. Пока вояка не взорвался, я поспешил перейти к делу.

– Так вот, по поводу царства...

– Все правда, – нетипично прямо и радостно для разведчика ответил Красоткин. – Алексей Карамазов прибыл в военный совет в качестве священнослужителя... похитил около сотни мертвых солдат, проходящих техническое обслуживание, и сбежал. На месте была организована группа перехвата, но в итоге они сами пали жертвами мятежников.

Царь с жалкой сотней мертвецов в подчинении затаился где-то в горах Гиндукуша в глубинах Афганистана. Мне поручено разузнать, что за общество они там организовали, хотя кажется, в этих диких землях, куда не ступала нога человеческая, и найти-то их невозможно, если они как следует затаились.

– Как искать иголку в стоге сена.

– Острую и отравленную. На самом деле подходящих мест не так уж много. Найти его несложно. Ладно еще мертвецы, но Алеше нужны дрова и питье, так что выбор весьма ограничен.

Я сделал вид, что не заметил, как Красоткин назвал Карамазова уменьшительным именем. Куда интереснее, что если все так, как он говорит, то российской разведке нет нужды прибегать к чьей-то помощи. И юноша, будто заметив, что это меня заинтересовало, пояснил:

– Да его и перехватить-то всерьез не пытались. Так, напугали немножко – да и отозвали войска, я думаю. Если б не вы, не было бы и расследования. Мертвецов хватает ненадолго, а там проблема разрешилась бы сама собой. В таких условиях они бы не продержались и десятка лет. – Он вздохнул со скорбной миной, хотя не похоже, что его это не устраивало. Говорил он спокойно, только немного ворчливо. Если б не тень улыбки, приклеившаяся к его миловидному лицу, можно было подумать, что мы просто болтаем за чашечкой чая.

– Что плохого, если сто мертвецов тайно поселятся в безлюдных горах? Мы, право, хотели замять это дело.

– А как же совместная операция?..

– Там, наверно, никогда не понимали, как обстоят дела у презренной черни.

Кажется, вдали от родины молодой человек несколько раздухарился.

²² (лат.) «Точно труп» – выражение, в подтексте обозначающее полную покорность.

– Даже Его Императорское Величество не станут разбираться с каждым человеком по отдельности. Да это и в принципе невозможно. Людей слишком много. Есть пределы человеческим способностям, а полномочия империи заканчиваются и того раньше, – прищурился Красоткин.

Темный блеск в его глазах без лишних слов сообщил мне, что лезть в чужие проблемы не стоит. Поэтому я махнул рукой, давая понять, что ничего не слышал, и сказал:

– Ну, не для того же вы здесь объявились, чтобы сказать, что отказываетесь сотрудничать?

– Разумеется, нет. Мы поможем. Раз уж история всплыла на поверхность, нам необходимо достичь консенсуса. Полагаю, Карамазов тоже это понимает, – радостно ответил Красоткин.

Я задал еще один вопрос:

– Вы лично знаете Алексея Карамазова?

– Зачем вы спрашиваете? Разве это не очевидно из наших данных? Я тоже родом из Скотопригоньевска, да и по возрасту не так от него далек.

Судя по документам, Красоткин был на десять лет младше Карамазова. Предположение, что двадцатилетний Алексей мог быть знаком с подростком, не так уж и безумно, но все же это необычно. И то, что Российская империя специально послала за ним такого близкого ему человека, – тоже.

– Вы были коротко знакомы?

– Как знать, – склонил голову Красоткин, а улыбка на его лице стала почти жестокой. – Можно ли сказать, что мы были близки? Мы часто разговаривали. А еще он переживал за мою карьеру, помогал решить, куда отправиться учиться. Можно сказать, что я избрал математическую теологию по его совету. Дети любили Карамазова. Дети любят всяких остолопов.

Казалось, что он просто перечисляет факты, и в его голосе не сквозило ни капли теплоты. Мускулы на лице юноши подрагивали от чего-то вроде ненависти.

– В Великобритании это считается достаточно близкими отношениями.

– В таком случае – да. Если вы так ставите вопрос.

Красоткин казался очень сдержанным, но не злым человеком. Его портрет я тоже составить затруднялся, но решил, что такой типаж нередко встречается в ученой среде.

– А что насчет Дмитрия Карамазова? – спросил я, вглядываясь, как изменится лицо юноши.

И тот мгновенно откликнулся:

– Очень сложный был человек. Вроде буян, но с удивительно чувствительным сердцем. Словом, русская душа. Мы с ним разговаривали, может, пару раз.

Он отвечал все так же бесстрастно, и я несколько разочаровался, когда не заметил на его лице следов того волнения, которого ожидал. Впрочем, он в то время был еще совсем мал, возможно, я несправедливо возложил надежды на их знакомство.

– Дмитрия не послали вместе с военным советом в Кабул?

Красоткин склонил голову набок, как птица, явно не улавливая связи. Я пояснил:

– Алексея отправили служить в Сибирь. Там, в колонии, он встретил Дмитрия, осужденного за убийство, и, вероятно, стал свидетелем его смерти. Дмитрия сделали мертвецом, а затем забросили в Афганистан. Узнав об этом, Алексей сбежал со своим умерщвленным братом...

Я изложил гипотезу, которую разработал за последние несколько дней, но Красоткина она, похоже, не впечатлила. Он нахмурился, между бровями появилась морщинка.

– Полагаю, вы намерены и впредь в данном деле придерживаться этой версии?

– Такова моя теория.

– Ясно, – тихо пробормотал Красоткин. – Идея хороша, но всякой теории нужны доказательства, а у этой имеется контраргумент. Дмитрий не умер.

– Тогда зачем? – недоуменно спросил я.

– Зачем – что? – загадочно, очень загадочно переспросил юноша. Мир полон людей, которые никогда не представляются первыми и отвечают вопросом на вопрос.

– Зачем Алексей дезертировал с мертвецами? Неужели нет причины?

– А неужели причины не может не быть? – невинно поинтересовался Красоткин, но по спине у меня пробежали мурашки.

Этот молодой человек сам смахивал на мертвеца. Если бы те умели говорить, то наверняка отвечали бы ровно так. Реакция вроде есть, но в ответах нет последовательной логики. Мыслительный процесс движется по автоматическим алгоритмам, и, как только последовательность заканчивается, память стирается. Я осознал, что этот человек сам за собой не замечает, когда лжет. Он бессознательно демонстрирует вполне искренние реакции, но они не затрагивают его разум. Ему незачем лгать мне. Просто все, что он говорит, – ложь, такой уж он человек. Наверное, ценное качество для разведчика, но мне стало интересно, от природы ли он таков или это результат строгой выучки.

– Насколько я понимаю, господа, ваша миссия заключается в том, чтобы разведать обстановку в царстве, а не выяснять причины его образования? Докапываться до истины необязательно. Просто состряпайте какую-нибудь правдоподобную байку. Придумайте любую причину, которая вас устроит, и довольствуйтесь ею.

– Мне это нужно хотя бы для внутреннего удовлетворения.

– Это неестественно! – Красоткин покачал головой, к моему полному замешательству. – Доктор Ватсон, предположим, за время расследования вам что-то стало ясно. Замечательно, вы поняли и приняли мотивы действующих лиц вашей повести. И что дальше? К моей истории это не будет иметь никакого отношения, и, кстати, к истинным обстоятельствам Алексея – тоже. Даже если он сам в это поверит.

Мы неприязненно уставились друг на друга. Точнее, я на него, потому что сам Красоткин просто холодно улыбался. Алексей оставил мир и предпочел ему жизнь в окружении мертвецов. Мой собеседник пытается сказать, что мотивы такого эксцентричного решения все равно не понять. И даже если сам Алексей считает, что его действиями руководит определенная логика, она не имеет никакого отношения к объективной реальности.

Рассуждения мертвеца. Каждый из нас следует своей линии и действует согласно тому, что считает своей волей. Нам даже необязательно осознавать ее таковой, и наука в самом деле не задает вопроса «Зачем?», но именно тем мы и отличаемся от мертвецов. Мы – часть материального мира, но одновременно с тем уверены, что в нашем существовании имеется нематериальный смысл. За эту функцию отвечает душа весом всего-то двадцать один грамм. Если лишит нас воли, то, полагаю, мы ничем не будем отличаться от мертвых чудовищ.

Но пора отбросить пустое блуждание мысли и вернуться к насущному вопросу.

– Алексей прихватил с собой Внедритель псевдоэссенции?

Среди подозрений Уолсингема было и такое: Алексей мог создать отряд убийц вроде древних ассасинов. Или даже уже создал. Но если Внедрителя у него нет, то силы царства так и ограничатся сотней мертвецов, и по крайней мере одной проблемой станет меньше.

– Я понимаю, чего боятся наши с вами верхушки, но вы же прекрасно знаете, что это устройство совершенно необходимо для обслуживания и регулирования мертвецов. Не для протокола. Если бы я собирался организовать отряд антиправительственных убийц, я бы точно не отправился жить в дикие горы. Когда появился Олл Ред Лайн, государство из массива сопряженных земель превратилось в развернутую сеть, связанную телеграфным сообщением. В сверхгосударство, преодолевшее барьеры расстояний. С вашего позволения, в чудовище звездообразной формы. Мятежник, если он не дурак, должен всеми силами пытаться воспользоваться этой сетью, а не бежать от нее и запирается на крохотном клочке земли.

– До такого сверхгосударства еще очень далеко.

– В самом деле? – улыбнулся Красоткин, и от его улыбки повеяло такой же жутью, как от куклы с намалеванным лицом. Мне начало казаться, что этот юноша нарочно копирует повадки мертвеца. Я слышал, в России есть достаточно аскетов, которые полагают, что подобным образом приближаются к Богу. – Полагаю, нам остается только отправиться туда и все выяснить.

– Куда? – спросил я.

Красоткин, повернувшись ко мне, спокойно ответил:

– Ваханский коридор. Долина реки Кокча. Мы тоже, знаете ли, не сидели сложа руки.

Я обернулся за помощью к Пятнице, который равнодушно вел записи.

«Кокча – верховье бассейна Амударьи. Расположена к северу от Кабула, в сердце Гиндукуша. Известна как месторождение ляпис-лазури».

Я молча наблюдал за тем, как стальное перо летит по бумаге, выводя эти слова.

V

Граница Афганистана. Хайберский проход окружала странная тишина.

Впереди, за равниной, на которой расположились британские войска, вздымались голые скалы, гладкие, будто крепостная стена. Как если бы сама земля Афганистана служила ему защитным укреплением. И среди этой неприступной стены виднелся вертикальный пролом – это начинался Хайберский проход. Холодный ветер трепал знамена полевой армии долины Пешавар, и звук трепещущей ткани бился в ушах.

1 декабря 1878 года. Мы только даром потратили время, прокладывая маршрут от Пешавара к Ваханскому коридору, и в конце концов решили пройти под прикрытием британских войск. Первым признал поражение перед афганскими горами я, и, думаю, мало кто смог бы меня осудить. В конце концов, даже британское войско разделилось на три части потому, что с восточной стороны в Афганистан ведут только три коридора.

– Пожалуй, эти горы действительно нам не по зубам...

Красоткин, всем видом демонстрируя очевидность этого решения, согласился переместить маршрут и даже указал, что «существует обходной путь». Я осознал, что решительно не понимаю русских. У меня не было ни нечеловеческой силы Барнаби, ни морозостойкости Красоткина, ни «покорности трупа» Пятницы. Наш даже с виду чересчур русский приятель небрежно обернул голову тюрбаном, спрятал лицо за поднятым воротником, и мы снова слились с британскими войсками.

Мы заняли позицию в тылу у сформированного фронта за передовыми отрядами боевых франкенштейнов. Рассчитывали по возможности подгадать момент всеобщей сумятицы и проскочить Хайберский проход, но довольно быстро поняли, что на практике это мало осуществимо. Однако и возвращаться, не привлекая лишнего внимания, было уже поздно.

Два лагеря бесшумно наблюдали, как облаченные в красные мундиры и с мартини-генри на изготовку мертвые солдаты молча занимают позиции. Солнце медленно опускалось к Хайберским скалам.

Горная тропа, стиснутая меж отвесных утесов, уходила вдаль узкой и крутой полоской. Со скалы на перевале вниз на нас смотрела афганская крепость Али-Масджид. С точки зрения европейцев – незначительное горное укрепление. Подобные крутые скалы были излюбленным сюжетом старомодных пикчуресков²³. Вместо крепости – нищее нагромождение валунов и неотесанных бревен. Но расположение форта искупало всю его хлипкость.

Командующий армией генерал Браун ненавидел бессмысленные потери среди живых, потому для взятия прохода избрал надежнейшую из тактик: мертвый марш. Она подразумевает опору на грубую силу мертвецов. Скалы предоставляли афганцам естественное укрепление, а следовательно, оставалось только продвигаться вперед под градом пуль и артиллерийского огня. Мертвецов при этом сильно изувечит, да и интересного в этой тактике ничего нет, но, пожалуй, для быстрого наступления ничего лучше еще не придумали. Британское войско пока не может ни зайти к врагу с тыла, ни карабкаться по отвесным скалам. А при лобовом столкновении двух армий разговор простой.

Проход огласил зов горнов, который разбился, подхваченный ветром, на эхо. Не дожидаясь, пока скалы окончательно его поглотят, афганцы ответили тем же, и по британским мертвецам, подобно кругам на воде, прокатилась дрожь. То был жестовый язык системы гармонизации, и войско напомнило мне огромное дрожащее чудовище.

²³ Пикчуреск – здесь имеется в виду стиль в английской пейзажной живописи XVIII–XIX веков, подчеркивающий особую живописность выбранного сюжета и композиции.

В «Ином свете, или Государствах и Империях Луны» Сирано де Бержерака описан язык лунных обитателей, осуществляемый движениями членов, и вот два века спустя этот феномен спустился на Землю и ущелье наполнилось беззвучными криками.

Разомкнутое каре мертвых солдат, между каждым из которых вполне могла бы проехать повозка, сделало первый шаг. Более плотной формацией наступать было невозможно из-за вероятности оружейного обстрела. Мертвецы одновременно шагнули во второй раз. В скалах тоже зашевелились, с афганской стороны началась суэта и один за другим возгласили новые горы.

На сумеречные горы спустилась странная тишина. Человеческие уши не воспринимали за звук то, что производило наступающее войско.

Как будто сквозь водную толщу, как будто воздух вдруг многократно уплотнился, как будто увязнув во сне, мертвецы шагали вперед походкой франкенов, выставив свои мартини-генри стройными рядами.

Синхронное и беззвучное мертвое войско давило даже на нас, оставшихся в тылу. Они наступали, и никто не спешил заполнить пустоту между нами и атакующими. Напротив: я даже отступил на шаг.

Многоголовое чудовище своей гигантской тушей поглощало проход между скал. В горло сотворенного природой пикчуреска впивался порожденный человеком гротеск.

Грудную клетку одного из мертвецов прошило насквозь, а затем запоздало донесся звук выстрела. Солдат пошатнулся от импульса кинетической энергии. Он остушился, затем без видимых усилий восстановил равновесие и продолжил путь. Хлопки выстрелов звучали, как стук капель. Здесь и там пули пролетали сквозь мертвую плоть. Почерневшая липкая кровь кляксами выплескивалась на мундиры. Те, кому попадали прямой наводкой в голову, шатались и покидали строй, натыкались на товарищей, которые попросту отпихивали их в сторону. Если же они спотыкались о камни и падали, остальные шагали по поверженным и продолжали наступление, все так же следуя приказу.

Афганцы дали по наступающим пулеметную очередь, но она будто ушла в молоко. Одно-стороннее нападение не переросло в двустороннюю схватку, мертвецы никак не отреагировали. Никто даже не вскрикнул. Все равно что залп дали по движущемуся лесу. Разве что некоторые пули, увязнув в телах, порвали кому-то мышцы. Мертвецы не нарушили строй и равнодушно продолжили атаку. Они даже не опускали глаза посмотреть, что с ними такое произошло. В град машинного огня начали вкрапляться артиллерийские выстрелы, которые вгрызались в каменные колонны горного прохода. Неудачное попадание ядра взорвало какого-то солдата, его конечности разлетелись в стороны и свалили с ног нескольких его товарищей, но дистанция в строю все равно сохранилась в относительном порядке.

Полевые хирурги из Нетли установили, что артиллерийские снаряды неэффективны против мертвецов. Самый большой урон, который получают от артиллерийского обстрела люди, – это ужас, но мертвецы его не чувствуют. Заключение врачей гласило: «Ожидаемый эффект не покрывает предполагаемых расходов». Разве что запас пороха, который мертвый солдат носил в рюкзаке, взрывался от удара, и этот вторичный взрыв и то приносил больше урона.

Похоже, Красоткин был согласен с выводами экспертов из армейского госпиталя.

– Пустая трата припасов, – заметил он невинным тоном, будто ребенок, рассматривающий военные иллюстрации.

– Да пусть стреляют, – ответил Барнаби, и я с ним согласился. Со стратегической точки зрения, может, и бессмысленно, но у живых своя психология. Когда на тебя движется мертвая масса, то человеку с ружьем трудно слушать свой разум.

Пожалуй, мертвый марш – недостаточно сложный маневр, чтобы назвать его тактическим. Они просто идут напролом через Хайберский проход. И все. Достигнув определенной точки, они развернутся, и сейчас эта точка – крепость Али-Масджид. Те из них, кто туда добе-

рется, детонируют, и на этом конец. Это не изысканная партия шахмат. Скорее представьте, как кто-то наклонил доску и все пешки укатились на сторону противника. Стратегия предельно простая, но при этом максимально эффективная, и нашим врагам практически нечего ей противопоставить. Саул побеждает тысячу, а Давид – десяток тысяч, только и всего.

Большая масса мертвецов подобна природному бедствию. А что может сделать человек пред лицом великой стихии? Упокоить ее мощь в земле или воде, но в скалах подобное мало осуществимо.

Глаз за глаз, зуб за зуб, мертвец за мертвеца.

– «Первый Ангел вострубил...»²⁴ – нараспев изрек Красоткин.

Афганцы вострубили, и в бой потянулись уже их мертвые войска. Нестройными рядами или даже без всякого строя они по одному, по двое стали выпадать из глубины перевала. Они озирались в поисках врага, подобно актерам, которых неожиданно вытолкнули на сцену, и, чуть не спотыкаясь, волочились в нашу сторону.

Выбеленные силуэты сразу выделялись на фоне черных скал. Афганцы решили пойти по самому простому пути распознавания своих и чужих. Белые мертвецы все продолжали выплывать своей сонной походкой. За белыми вышли рыжие, за теми – черные. Последними вышли серо-голубые.

– По цвету всадников апокалипсиса? Запугать нас пытаются? – предположил Красоткин.

– Я думаю, это чисто для распознавания, – возразил Барнаби.

Наши офицеры сидели молча и напряженно. Они еще только привыкали к тому ужасу, который внушали живым бредущие вразнобой афганские солдаты. Движения мертвецов воздействовали на живых на инстинктивном уровне, напоминая кошмар наяву. Так вот, с кошмаром, оказывается, можно примириться. А вот упорядоченные шеренги британских войск напоминали гнев стихии. Как будто на тебя идет что-то непостижимое.

Афганские мертвецы, экипированные стальными зубами и когтями, добрались до английских, и их ряды смешались. Расцвет века мертвецов вернул войну к тому древнему виду, который знали наши предки. Стрелять в таких противников неэффективно, поэтому мертвецы попросту бросаются друг на друга. Говорят, что острые как бритва японские сабли в нашу эпоху – эффективнейшее оружие, поэтому их с большим удовольствием коллекционируют крупные политики.

Мертвецы продолжали идти, не глядя по сторонам, но их траектории неизбежно пересекались. Вот они уже задевали друг друга плечами. Тогда, не обмениваясь даже взглядами, афганские солдаты тут же пускали в ход когти. Они рвали мундиры, а в ответ британские мертвецы пускали в ход штыки своих мартины-генри. Острый металл впивался в мертвую плоть, но руки афганцев все равно цеплялись за плечи. Когти втыкались в животы и распарывали их. Из широких разрезов под внутренним давлением вываливались органы, и обмякшие мертвецы хватались за них.

И все это – странно заторможенными движениями. Любые их действия можно было разложить на алгоритмы и просчитать, но каждый удар в этом непрерывном обмене для живого означал бы верную гибель. Вот какой битве обучены эти бездушные марионетки. Они не обращали внимания на боль и только подчинялись вложенным в их головы командам, и потому ни тени страданий не появлялось на их лицах.

Вот один мертвец, игнорируя торчащие из груди когти, сворачивает своему врагу шею, но тут в его голову со спины втыкается еще одна железная пятерня, и он махом обрушивается на землю. Вот еще один, уже без скальпа, прямо с обнаженным черепом, раззявил пасть и вцепился зубами в горло соперника.

²⁴ Откр.: 8, 7.

– Некрасиво, – совершенно ровным голосом прокомментировал Красоткин. – Какой толк в том, чтобы рвать горло другому мертвецу?

– Шея – неплохая цель. Самое слабое место – это соединение головы и остального тела, – подавляя эмоции, ответил я.

– Мне все же кажется, что лучше тогда бить прямо в голову, – посмеялся Красоткин над глупостью мертвецов. С одной стороны, он совершенно прав. С другой же – боевые механизмы во многом базируются на инстинктивной программе, которая эволюционировала без учета схваток с мертвецами. Разработчики некрограмм, разумеется, тоже не могут предусмотреть все. Афганским мертвецам вместо пашек или копий стальные зубы и когти поставили, полагаю, тоже не для эффективности, но ради эффектности. Хотя демонстрировать силу перед другими мертвецами – совершенно пустое дело. Если кто и находится в плену своих иллюзий, то не мертвецы, а живые. Да одно то, что мы стремимся привить этим созданиям человечность движений, достаточно красноречиво. Мертвецы не имеют ни желаний, ни чести. Они просто безо всякой рефлексии подчиняются законам физического мира.

– Неужели... – сглотнул я, – эта битва так нужна? Итог уже предreshен, неужели его необходимо подтверждать на деле?

Красоткин странно посмотрел на меня и широко улыбнулся.

– А вы предлагаете просто все рассчитать? По закону достаточного обоснования Лейбница? Строить математическую модель на основании данных о некрограммах на руках у каждого военного командования и заранее выводить результаты войн? – рассмеялся он. – Я с вами полностью согласен. При таком подходе нет необходимости пускать мертвых солдат в расход. Совершенно верно. Вот только понимаете... человеку нужны истории! Будоражающие кровь, леденящие душу истории! Большая часть нашего населения даже не поймет вашу логику. А то, что непонятно, не существует. Если только это нельзя посмотреть и потрогать. Истории рождаются из нашей глупости и сеют в мир еще больше идиотизма.

Пока Красоткин улыбался, мертвецы продолжали как ни в чем не бывало крошить друг друга на кусочки, сдирать друг с друга кожу и обнажать мышцы, как на экорше Оноре Фрагонара²⁵. Они как будто пытались вернуть друг друга в состояние простой неживой материи. Когда мертвецы заканчивают свою непрощенную службу, на их лицах не проступает ни боли, ни радости. Остановка деятельности не входит в их функционал.

– Вон! – Барнаби не обращал никакого внимания на наш разговор и наблюдал за сражением, спрятав руки в карманы. Вот и сейчас он тоже кивнул подбородком. Одного серо-голубого афганского мертвеца окружило сразу три британских.

Красоткин снова принялся цитировать свою любимую книгу Откровений:

– «И я взглянул, и вот, конь бледный, и на нем всадник, которому имя “смерть”; и ад следовал за ним; и дана ему власть над четвертою частью земли – умерщвлять мечом и голодом, и мором и зверями земными»²⁶.

– Это он. – Барнаби перебил Красоткина и указал на какого-то конкретного солдата – того же типа, что недавно взорвался перед Барнаби и моим несчастливым предшественником.

Его движения и правда казались несколько странными. На наших глазах он стремительно рвал одного противника за другим. Таким быстрым он казался не только из-за общей замедленной скорости сражающихся, но и потому, что его движения складывались в ладную цепочку. Я совершенно безошибочно мог определить, что это движения мертвеца, но они достаточно выделялись, чтобы понять: этот мертвец не такой, как остальные. Я бессознательно пробормотал: «Идеальная марионетка». А на самом деле не эффективнее ли он движется, чем живой

²⁵ Экорше (фр. «со снятой кожей») – анатомические модели без кожного покрова, демонстрирующие открытые мышцы. Оноре Фрагонар (1732–1799 гг.) – французский анатом, изготовивший из трупов более 700 экспонатов экорше для ветеринарной школы.

²⁶ Откр.: 6, 8.

человек? Ведь мы по привычке считаем, что распоряжаемся собственным телом в совершенстве, но никто не анализировал этот вопрос с математической точки зрения. Хотя, разумеется, этот мертвец тоже дрался вяловато. Он казался молниеносным только в сравнении с другими солдатами.

Тот серо-синий, на которого мы смотрели, видимо, где-то обломил свои когти и поэтому – а может, еще почему – оторвал у поваленного солдата ногу и размахивал ею на манер дубины. Для них плоть – не более чем материал.

– Он не просто хорош, – заметил Барнаби. – Он предсказывает движения противников.

– Не может такого быть, – немного поразмыслив, ответил я.

– У тебя опыту боевого нет, вот ты этого и не замечаешь, но он видит своего врага насквозь. Вон, глянь, – ткнул пальцем Барнаби и кивнул сам себе. – Думаю, тебе не понять, что это зна...

К счастью, конец фразы утонул за нашим боевым горном, и я заткнул уши.

Сзади, сигналя клаксоном, вылетел черный экипаж и, высоко подпрыгивая на кочках, понесся меж мертвецами. У него с крыши торчало металлическое дуло, и в эту пулеметную установку отчаянно вцепились мертвецы мелкого телосложения. На козлах возвышался мужчина в совершенно не подходящем к ситуации костюме-тройке. Его уса́тый профиль с сигарой в зубах пролетел у меня перед глазами. Бок экипажа украшал знакомый логотип с глазом. А внутри... я не поверил собственным глазам.

Карета летела сквозь разомкнутые ряды мертвецов, пользуясь задержкой в работе опознавательной системы. На самой передовой мужчина натянул поводья, и все четыре коня встали на дыбы. Карета по инерции заскользила вбок, а передние копыта коней впустую бились в воздухе. Сброшенные центробежной силой мертвецы вскарабкались обратно и по сигналу мужчины на козлах навалились на дуло, вращая его.

Металлическое жерло дыхнуло широкой туманной дугой, и мужчина бросил в нее свою сигару.

Того самого мертвеца, за которым мы наблюдали, и других британцев вокруг него в мгновение ока объяло коптящим пламенем. После этого мужчина угостил своих лошадей кнутом и, искусно управляя экипажем, развернул пышные веера из пламени огнемета.

Мертвецы извивались в языках огня. То есть они-то не обращали на него внимания и продолжали драться, но огонь пожирал их. Скалы объяло запахом горелого мяса и нефти. Горели мундиры, кожа съеживалась, и плоть мертвецов таяла на глазах. Плающие мертвецы высветили черные скалы.

Из глубины прохода принеслась мелодия горна, и афганские солдаты застыли, а потом неуклюже развернулись. Ряды ходячих факелов начали вяло отступать во тьму меж утесами.

Я провожал взглядом обгоревших дочерна, но продолжающих извиваться мертвецов.

– Барнаби! – позвал я. – А мы можем схватить того мертвеца?

Даже Красоткин затаил дыхание, а сейчас громко выдохнул и пробормотал:

– Красота...

Нервы, артерии, вены, капиллярные сосуды, кости, костный мозг, хрящи, мускулы, слизистая, синовиальная жидкость, железы внутренней секреции, эпидермис, волосистой покров.

Медицина начинается с последовательной систематизации. Не будет преувеличением сказать, что первые несколько лет на медицинском факультете проходят в созерцании трупов. Конечно, от бесконечной зубрежки и наблюдений скулы сводит скукой, но другого способа взрастить в себе умение классифицировать материю не существует. Нужно отречься от предрассудков и понять устройство мира на собственном опыте.

Звучит просто, но природа сложна.

Общество требует как можно скорее обучать новых некроинженеров, а трупы на разтерзание в анатомические театры отдает неохотно, но воспитать специалиста за день и ночь невозможно. Потому что если не знать, где мембрана, а где плоть, то ни о каком управлении организмом речи идти не может. Поэтому даже в мире, переполненном мертвецами, студентов Лондонского университета не допускают до реанимации мертвецов вплоть до последнего года обучения. Говорят, находятся умники, которые делают из этой процедуры представление, но это только досужие слухи, которые так любит толпа.

– Портативный Внедритель, – обратился я к Пятнице.

Мы установили в войлочную палатку простенький стол, накрыли его простыней и к этому самодельному рабочему месту привязали обгорелого мертвеца. Из шеи его торчали прутья. Этот ошейник на него инстинктивно нацепил Барнаби – он-то как раз и забрал с поля боя эту новую модель. Я вздохнул:

– Неужели нельзя было поаккуратнее?

– А если б взорвался? – процедил в ответ Барнаби.

– Почему именно шея?

– Да просто так, – выпятил грудь он. Конечно, если бы труп правда взорвался, то было бы поздно теоретизировать, но логика все равно ущербная. Если Красоткин – человек, напоминающий мертвеца, то Барнаби – зверь, прикидывающийся человеком. Правда, поскольку однажды он уже пережил взрыв ходячей мертвой бомбы, мне сложно его строго критиковать. Хотя вероятность того, что этот труп взорвется прямо сейчас, довольно велика, мой опыт наблюдения за сражением помог унять страх. Да и на ощупь не похоже на то, что его жир преобразовали в нитроглицерин.

Осмотрев череп, я обнаружил следы перфорации. Подключил портативный Внедритель. Это еще одна передовая разработка, которую мне выдали в Уолсингеме. Для такой крохи этот аппарат умел очень много. С его помощью я мог передавать Пятнице перфокарты на чтение, а еще он мог выступать в роли простенького диагностического устройства: механизм предназначен как для записи, так и для считывания. По той же логике подключение источника тока к генератору делает из него электромотор. Этой малютки мало, чтобы переписать у новейшей модели мертвеца движок, но внести небольшие дополнения – вполне.

Серо-голубая краска сгорела, обратилась в уголь, смешалась с испепеленной кожей, и та стала ворсистой на ощупь. Осталось совсем немного светлых волос и темного эпидермиса. В искривленные конечности впивалась веревка.

– Думаешь, он из Российской империи? – спросил я у Красоткина.

– Как знать. Подданные Российской империи не так сильно отличаются от местных. Средняя Азия для России как сад. А кто на нашей территории – тот наш человек, – без всякого интереса ответил юноша, опять скрывая лицо за высоким воротником. – Возможно, у него греческая кровь. Потомки Александра Македонского построили Греко-Бактрийское царство как раз в этих краях, поэтому тут нередко можно встретить подлинных греков. Слышали про «плавильный котел»? Хазарейцы в Бамиане похожи и на монголов, и на японцев, и бог знает на кого еще.

– Опять «кладбище империй»?

Даже если этот мертвец и в самом деле когда-то был российским подданным, он лишь сосуд и вопросы гражданской принадлежности к нему неприменимы. Я понимаю это умом, но соблазн определить мертвеца в категорию, которая интересна лишь живым, слишком велик. Мы всегда предполагаем, что в человекоподобных головах остались человеческие воспоминания.

– Ток! – скомандовал я, и Пятница молча подал напряжение с емкого элемента Лекланше. Тело мертвеца сразу напряглось, глазные яблоки без век прокрутились в глазницах, он обнажил обгорелые десны. Получив заряд тока, то, что осталось от мозга мертвеца, попыталось переза-

пуститься, но с такими повреждениями у него вряд ли получилось бы хоть что-то путное. Та конфигурация сознания, которую понимают люди, – лишь одна из множества возможных. Но та, к которой мы привыкли, называется разумом, а все остальные – более или менее безумием, и в подробности никто не ударяется. Хотя само существование слова «сумасшествие» свидетельствует о нашей неспособности постичь работу мозга. У нервной ткани в нашей голове нет понятия о состоянии «безумия», просто какие-то элементы находятся в беспорядке. К «ненормальному» это состояние произвольно относят внешние наблюдатели.

– Первая последовательность.

Пятница установил во Внедритель перфокарту из походного мешка. Я тестировал реакцию системы на запрос об управлении – это самая простая проверка. Мышцы на правой руке мертвеца сильно напряглись, он сжал пальцы в кулак, а потом распрямил обратно. Судя по отклику на команду, действительно стандартный Оксфордский движок.

– Двадцать первая последовательность.

Я сократил процедуру и перепрыгнул сразу на расширение системы распознавания «свой-чужой». Просто чтобы убедиться, что я действительно имею дело со стандартным Оксфордским, поскольку не был уверен, как мертвец отреагирует на попытку внедрения дополнительного кода.

Благодаря исследованиям Брока и Вернике стало известно, что в мозг управляет невообразимым количеством функций. Малейшее повреждение способно привести к утрате способности распознавать буквы или различать лица. Когда вскрывали черепные коробки пациентов, утративших навыки социализации, порой обнаруживали не столько мозг, сколько пустую мембрану. Функции распределены по различным участкам коры. Если один из участков разрушится, другие восполняют эту потерю. Если дать организму достаточно времени, то можно наблюдать даже перемещение отдельных центров по карте мозга. Духовная же эссенция составляет саму природу человека, и она не сводится к какой-то одной функции мозга, но представляет собой некую сверхструктуру.

Подернутые белесой дымкой глаза мертвеца перестали дрожать, и он впил свой взгляд в меня. То небольшое, что осталось после пламени от его ресниц, под действием сильного тока конвульсивно затрепыхалось. Мертвец сосредоточился на мне, и я невольно отшатнулся. Его глаза проследовали за мной.

Мертвый взгляд встретился с живым. До того как очутиться в Бомбее, я и не слышал о подобной функции. Широко известно, что по неустановленной причине глазные мышцы и мышечная ткань в горле не подчиняются контролю некрограмм. Мертвецы не просто молчат: они неспособны говорить. Их глаза бесцельно блуждают, не в состоянии сфокусироваться. Это написано в любом учебнике.

– Двадцать первая последовательность, увеличить нагрузку, – приказал я.

Из ушей мертвеца повалил белый дым. Из ноздрей и рта – пар, похожий на эктоплазму. Я резко шагнул вправо, но мертвец, открывая и закрывая челюсть, опять проследил взглядом за мной. Он будто молил о пощаде. А может, проклинал меня.

– Лобзик, – сорвалась с моих уст команда.

Хайберский проход наполняла странная тишина.

Я закончил со вскрытием, ушел от костра в нашем лагере и бродил под звездами. Весь горизонт укутывала тьма, но верхнюю полосу усыпали яркие огни. Я, вчерашний студент-медик из Лондона, ходил, запрокинув голову, под афганским небом, но все слова рассыпались перед ним бессмыслицей.

После вскрытия мне всегда хотелось побыть одному. И в этих дальних землях я не изменил привычке. А уж тем более после того, как разделал движущегося мертвеца. Особенно с учетом того, что моя операция не принесла особых плодов. Я не обнаружил в его мозговых

тканях никаких отклонений, достойных упоминания. От этого мне было гадко на душе, хотя я с самого начала не питал себя иллюзией, что непременно должен что-то обнаружить. Все изменения, которые возможно зарегистрировать невооруженным глазом, я описал еще в Бомбее. В этот раз я снова обнаружил в зоне Брока следы значительного кровоизлияния, но этим лишь подтвердил уже имеющиеся наблюдения.

Зажав в зубах сигарету, которую я стянул из запасов снабжения, я чиркнул «люцифером». Заметил, что у меня до сих пор немного дрожат руки. Пока я наблюдал за колебаниями огонька, спичка догорела.

В ответ ли на зажженный огонек или еще по какой причине, но я услышал шепот. Я заметил, что прямо передо мной кто-то стоит, и отшатнулся. Споткнулся и понял, что о кусок чьей-то оторванной ступни. Чертыхнулся, и тут меня окликнули из тьмы за спиной:

– Доктор Ватсон, я полагаю? – Тембр голоса оказался столь неожиданным, что я оцепенел.

Два человека, совершенно неуместных на поле боя, вышли к мягкому свету. Усатый мужчина в костюме-тройке поднял над головой лампу с отодвинутой заслонкой. Но окликнул меня не он, а женщина в платье, которое неожиданно оказалось вечерним. Кружева на груди своей белизной приятно контрастировали с ночным мраком.

– Вы из «Пинкертона», – пробормотал я, пряча дрожащие руки за спину.

Мужчина, что давеча правил экипажем с глазом на дверце и огнеметом на крыше, шагнул вперед и неожиданно представился:

– Батлер. Ретт Батлер.

Мы обменялись этикетным рукопожатием, но я не мог оторвать глаз от леди. Вне всякого сомнения, это она как ни в чем не бывало восседала в пролетевшей меж рядами мертвецов карете. Несмотря на теплый свет, ее лицо отливало металлической голубизной. Женщина изящным движением протянула мне руку в белоснежной перчатке. Когда Батлер опустил лампу, ее чересчур симметричное лицо расчертили глубокие тени. Она тоже смотрела на меня.

– Ватсон. Джон Ватсон.

– Адали. Наслышаны о вас, доктор Ватсон.

Я ни слова не сказал о своем образовании, но Адали уже назвала меня доктором.

– Берегитесь Адама, – безупречно, иначе и не скажешь, улыбнулась она. Окликнула Батлера, и они исчезли в лагере, оставив меня в полном изумлении.

VI

– Ас-салям алейкум²⁷!

Мы пересекли Хайберский проход, покинули расположение британских войск и, оказавшись в Афганистане, проложили такой маршрут: отправились в Джелалабад, оттуда, минуя Кабул, – в Чарикар, Пули-Хумри и наконец – в Кундуз. По дороге на север мы спешили. Взяли в каждую руку по палке с металлическим наконечником и пустились в тяжкий путь. От ишаков и лошадей отказались, потому что понимали, сколько придется запасти животным корма. Мы продолжали путь, стараясь избежать встречи с афганскими силами. Само собой разумеется, что ослу придется тащить провизию не только на нас, но и на себя, но меня этот простой факт глубоко поразил. Просто-таки парадокс: чтобы выдержать такую дорогу, ишака надо нагрузить кормом так, что, кроме него, он больше ничего нести не сможет, и получается, что здоровенная зверюга нужна в пути лишь для того, чтобы нести то, что наполнит ее собственное брюхо.

– Как механизм, который только и умеет, что сам себя выключать, – загадочно пояснил Барнаби. – Люди, впрочем, не лучше. Мы не можем много унести.

Красоткин равнодушно пообещал взять все хлопоты на себя.

Еще одна проблема заключалась в том, что низкорослые афганские лошадки не увезут такого гиганта, как Барнаби.

Поскольку лагерь нам надо было разбивать с каждым разом все дальше и заранее отправить туда провизию было не с кем, то никакого другого варианта, кроме как идти на своих двоих, не оставалось. Так я наконец понял, что армейская логистика на самом деле намного сложнее, чем я ее себе представлял. Почему мы отказались от идеи дойти с британским войском до самого Кабула после того, как вышли из Хайберского прохода? Да потому, что решили: это слишком замедлит нашу особую миссию. Мы старались держаться подальше от основных трактов и вместо этого следовали цепочкой полузаброшенных аулов. По исламской заповеди закята, то есть милостыни, принимали нас в целом весьма приветливо, однако бедняки мало что могли нам предложить. Спасибо и на том, что кормили нас человеческой едой.

По первости мы передвигались ночью, отчаянно пробиваясь сквозь минусовые температуры плоскогорья. Теперь я, конечно, понимаю, какое странное зрелище мы собой являли. Наша четверка очень привлекала к себе внимание. Здоровяк Барнаби, мертвец Пятница. Сам-то я среднего роста, а Красоткин скорее хрупкого телосложения, зато по нам сразу видно, кто из нас британец, а кто русский. В этих краях какой только крови не встретишь, но мы всем своим видом кричали о европейском происхождении. Мы пока не придумали, как смешаться с толпой.

Перед самым рассветом мы добирались до едва проснувшейся деревни и молили дать нам отдохнуть и поесть. Как ни странно, они знали, что такое фунты стерлингов, но порой просили не денег, а патронов. В глухих аулах до сих пор ходили серебряные монеты, которые отливали при Александре Македонском, и я медленно терял связь со временем и пространством.

Способности Пятницы к последовательному переводу нас выручали, но в удаленных от войны поселениях к мертвецам относились настороженно. Некроинженерия – такое же колдовство, как электричество. Оказавшись на краю цивилизации, где и последнего-то никогда не видывали, я был вынужден многое переосмыслить. Для местных жителей мертвец – это вестник войны. Несколько раз контакты выходили настолько неудачными, что только Барнаби удалось вернуть переговоры в мирное русло. Даже не зная местного наречия, он умел загово-

²⁷ (араб.) Мир вам!

рить громким голосом еще издалека и обладал каким-то феноменальным талантом похлопать собеседника по плечу, дать похлопать себя – и вот они уже находили общий язык.

– Ас-салям! – отзывались мы.

Вдали от поля боя мы могли несколько расслабиться. То есть не до конца, но мы почти перестали контактировать с людьми. Перед нами простирались пустоши. Ни спусков, ни подъемов. Казалось, только протяни руку – и вот он, Гиндукуш, но он всегда оставался где-то на горизонте, за плато, будто остров по ту сторону пролива. Каменистая почва переходила в мелкую щебенку, а там и в узкие горные тропки, а желто-зеленые пучки травы незаметно сменялись снегом. Мы будто вошли в страну гигантов, потому что все составляющие пейзажа понемногу увеличались. И так плавно, что я сам не заметил, как перестал воспринимать расстояния, а от соседства необъятно огромного и неприметно малого кружилась голова. Я сам будто расширился до неба, а небо сжалось до размеров человека. Иногда мы ставили себе целью дойти до какой-то приметной точки, но, сколько бы ни шли, она не приближалась – и тем не менее пейзаж вокруг нас незаметно сменялся. Только что мы пинали гальку – и вот уже ловим ртами воздух под V-образным небом, взбираясь по зигзагу горной тропы. Каждый последующий перевал будто пытался переплюнуть предыдущий.

На земле, что перевидала и перехоронила множество империй, царства животных, растений и минералов переплетались самым головокружительным образом.

Я считал монотонные шаги, но новый шаг в который раз становился первым на бесконечном пути, и вскоре я перестал понимать, что считаю, и усомнился в самой природе счета. Бессознательно заметил, что ни о чем не думаю, и застрял в мысли об отсутствии мыслей.

Мои шаги напоминали движение машины. Или мертвеца. Я молча следил, как мои руки и ноги сами продолжают движение независимо от велений разума. Мне даже показалось, что тело Пятницы, который беспрекословно следовал моим командам, подчиняется мне лучше, чем собственное.

Каждый день мы преодолевали всего лишь миль по пятнадцать. Зато спрятаться в этих скалах было негде. Мы шли подобно муравьям в стеклянной ферме. Периодически нас выслеживали афганские солдаты. Мы держались поодаль от больших городов, но случайных встреч избежать не удавалось. Они замечали нас еще на горизонте и издалека навязывали бой. Оказалось, что Красоткин – даже более меткий стрелок, чем Барнаби. А изредка нам попадались дружелюбные вояки. Мы отвечали пулей на пулю и учтивостью на учтивость.

Прошли через несколько пожарищ, где меж остовами домов валялись окоченелые трупы. То ли из-за поддержки со стороны России, то ли из-за вторжения Великобритании, но Афганистан, похоже, погрузился в мутное состояние гражданской войны. Появились так называемые «Спектры»²⁸ – воины под белыми стягами, и никто не заметил, когда от некоторых деревень начали оставаться лишь пепелища и почерневшие трупы. Устроившись в тени обгорелой стены, мы развели костер, по возможности пряча его под ветками, и грели консервы прямо в банках.

Пока мы по очереди выбирались на разведку, Пятница, подобно медитирующему отшельнику, смотрел куда-то вдаль. Мертвец никогда не спал. Все ночные дежурства можно было оставить ему, поэтому мы неплохо отдыхали. Как-то раз Барнаби притащил на плече горного козла с закрученными рогами. Когда я спросил, почему у того в черепе вмятина размером с кулак, капитан рассмеялся, что у них был честный поединок.

Мы упорно брели через снежные равнины с разбросанными тут и там афганскими сосенками. Я то и дело замечал на стволах старые следы от пуль и параллельные борозды от острых когтей.

²⁸ От *англ.* specter – «призрак, дух».

– Мы тоже не понимаем, – сказал бородатый старик в паколи, предлагая нам чаю. – Все больше молодых людей называют себя моджахедами, борцами за священное дело, а вообще-то они просто грабители. Есть войска Шир-Али, но они ничем тут не управляют. Хотят построить новое государство по законам правоверного ислама, но они даже не местные. Или вот, например...

Он поднял глаза на Пятницу, который склонился над записями на полу. Мы сидели кружочком вокруг него на ковре, и мертвец выступал нашим письменным посредником в этом разговоре. Но старик глядел вовсе не на то, как Пятница пишет.

– Некоторые приводят с собой мертвецов.

– Призраки?

Но старик только покачал головой: он не знал их имени. Тогда я спросил про белые знамена, и старик кивнул.

Призраками, или «Спектрами», часто называли какую-то группировку, вроде как частное военное предприятие, которую Шир-Али втянул в военный конфликт в Афганистане. Говорят, он на это пошел от нерешительности российского императора, который ничего не сделал с тех пор, как прислал в Кабул военный совет, а Великобритания в ответ начала готовиться к наступлению. Литтон правильно предсказал, что если сейчас мобилизовать английское войско, то Россия и пальцем о палец не ударит. Однако про «Спектров» никто ничего не знал, даже имя их предводителя было покрыто тайной. Они то и дело появлялись в горячих точках по всему миру, и пока что британцы относились к ним как к обычным горным бандитам. А еще сомневались, не называет ли так себя вообще весь этот сброд.

– Мы тоже не понимаем, – повторил старик. – Когда-то здесь были империи. Эти земли сравнивали с раем. За что нам такая ужасная судьба?

Он положил руку на кожаный Коран, что покоился на подушке, выделявшейся из всей убогой домашней утвари своей роскошью, и помолился.

– Ас-салям.

Мы, как болванчики, повторили это слово.

В голую кожу впивался холод, а под многослойными одежками струился пот. Брови заиндевели, губы высохли и потрескались. Теперь мы путешествовали днем. Единственным нашим проводником служила интуиция Барнаби. Когда я спросил, по какому принципу он выбирает дорогу, он ответил:

– У палок спрашиваю.

После чего отпустил рукоятку одной из палок и посмотрел, куда та упадет. Больше я ничего уточнять не стал.

Помимо маршрута, на откуп Барнаби пришлось оставить и выбор аулов. Мы с Красоткиным слишком привыкли к городской жизни, и по нам это было видно. Да и по-русски тут тоже никто не говорил. Мы продолжали путь, невзирая на сложные отношения между деревнями и их богатую историю. Закутанные в семь одежек детишки тыкали пальчиками в Пятницу и смеялись, а их родители снисходительно улыбались из-под тени крыш. Лица и нравы людей в этих местах тоже разительно отличались от всего, к чему я привык. Голова шла кругом. Всего-то пересечешь долину – а уже совершенно другой этнос. Когда на Барнаби внезапно наставляли ружье, он непринужденно его отводил и валил своего оппонента с ног. Пусть и голодные, но мы обходили стороной мертвых часовых, разводили костер, садились вокруг кружком, сушили носки и терли потерявшие всякую чувствительность пальцы.

Из-под снега торчали и покачивались на ветру стебли.

– Это же снотворный мак? – загляделся на сухие поросли Красоткин.

– Афганистан – главный производитель опиума. Они на этом деньги делают, – ответил Барнаби.

– Это «Спектры» засеяли? – спросил я.

– Ну, аул на что-то охранять надо, да и лекарство из него хорошее, – коротко ответил Барнаби. – И на военные нужды. На войне без болеутоляющих никуда. И как валюта сгодится. Ну и дерутся за этот мак, понятно. Препарат сильный, унести легко, обменять тоже. Я бы сказал – идеальный ресурс. Я б тоже на месте крестьян его сажал, а на месте разбойников – утаскивал.

– А чтоб ни тем, ни другим не заниматься, стал военным?

– Не, у меня просто талантов других нет, – хохотнул Барнаби. – Ну и потом легальная возможность путешествовать по всему миру. В армии любителю подраться не лучшее место. Блистательные битвы – это только часть профессии. Да и блеска-то в битвах не много осталось. Просто самый острый угол в треугольнике. А в основании нужна куча людей, как за полем боя нужна широкая мирная полоса. Я это не только в пространственном смысле. Военные больше в запасе сидят, а вот так сходить прогуляться почти не удастся. Что скажешь?

Я отвернулся и продолжил молча шагать.

Когда-то люди, которых называли «горными старцами», с помощью опиума создавали у молодежи иллюзию райских садов перед тем, как сделать из них ассасинов. Чьи это были строки: «Наш Мозг – просторнее Небес»?

Расширялось, увы, только время моих измышлений, но не их суть. Так не должно быть, но в этом пути идеи мелькали в моей голове одна за другой, да так и растворялись обратно в небытии. Я думал периодически надиктовать что-нибудь Пятнице, чтобы записал, но забывал об этом прежде, чем поток мысли достигал языка.

Алексей Карамазов.

В мозгу эхом повторялось имя человека, которого я искал.

Карамазов демонстрировал в семинарии поразительные достижения. Должно быть, от природы расположенный к этой области человек. Прошел Сибирь и оттуда отправился в Афганистан. Что же он увидел? А что сейчас вижу я? Снег, сплошной снег, в котором теряются верх и низ. Даже когда небо проясняется и светит синевой, мое восприятие уже нарушено. В горах небесная голубизна становится пронзительнее, а чувство реальности, напротив, истончается. Должно быть, именно в подобном состоянии агнозии человек чаще всего прикасается к мистическому. Наш внутренний бог, вероятно, обитает в нашем внутреннем Эдеме.

Рай для мертвецов.

Мертвый Адам.

Мне вспомнилась леди, которую я встретил ночью в Хайберском проходе. Она неожиданно предупредила меня об Адаме и ушла, не удостоив вниманием мое запоздалое недоумение. Тот мужчина с ней, что представился Батлером, отвесил снобский поклон, вежливо улыбнулся и тоже растворился во тьме.

Взгляд Адали будто пронзает мир, такой холодный и безразличный, как у изваяния, что способно обращаться к душам мертвых. Супруга ли она тому пинкертонцу, любовница или коллега, я не знаю, но раз она способна ворваться в самую гущу боя, хладнокровно восседая в карете, то, во всяком случае, это неординарная персона.

Я не рассказал своим попутчикам об этой встрече. При случае только спросил про Адама.

– Адам... – задумался Барнаби. – Я слышал, что на горе в Цейлоне есть след от его ноги. Хотя в зависимости от религии кто-то считает, что это нога Шивы, а кто-то – что Будды. Ну, там – это там, а тут-то земли пресвитера Иоанна. Здесь где-то рядом был Эдем.

При слове «здесь» он обвел пространство рукой.

Пресвитер Иоанн – имя правителя легендарного христианского государства, которое, согласно европейским средневековым преданиям, располагалось на Востоке. Когда мусульмане теснили христиан в западном мире, он якобы привел большое войско на подмогу единоверцам.

– Адам... – задумчиво произнес Красоткин. – Вы о его могиле?

Разговор свернул в несколько неожиданное русло. Мне не понять, что творится на душе у человека, который при упоминании первого из людей прежде всего думает о месте его захоронения. Я тем не менее кивнул.

– Ну, – начал Красоткин, – иудеи считают, что он покойся в Хевроне, католики – что над Кальварией, но...

– Над Кальварией... Вы имеете в виду Голгофу?

– Считается, что храм Гроба Господня построен на черепе. Кровь Иисуса Христа, второго Адама, должна была омыть кости первого, потому и захоронили его череп в этом месте, а потом назвали Калварией – «Черепом».

Я не стал расточать комплименты его познаниями, и Красоткин продолжил:

– В России некоторые полагают, что могила Адама находится близ плато Гиндукуша. Хотя, конечно, это народные предания тюркских народов. Мой учитель... Николай Федоров, недавно раскопал в Москве в Румянцевском музее прелюбопытнейший документ. Апокриф на иврите «Апокалипсис Моисея», или «Книга Адама и Евы».

– И там сказано, где покойся Адам?

– Как вам известно, канонические тексты обходят этот вопрос стороной. Федоров утверждает, что в «Апокалипсисе» эти сведения содержатся, пусть и в зашифрованном виде.

– А Карамазов об этом знал?

С неожиданным даже для меня самого волнением я приблизился к русскому юноше, а Красоткин прижал руки к груди.

– Полагаю, что так. Он очень коротко общался с господином Федоровым, пока жил в Москве.

– Может, поэтому?

– Что поэтому?

– Решил построить царство.

У Красоткина округлились глаза, он дважды взмахнул длинными ресницами – и согнулся пополам от хохота. Когда смех наконец отпустил его, он, утирая слезы, сказал:

– Никогда бы не подумал, что у вас столь богатое воображение! Карамазов ищет захоронение Адама, чтобы его реанимировать, и для того проник в Гиндукуш, а в качестве чернорабочих прихватил с собой мертвецов... Право слово, просто прелесть что такое!

– И вовсе не обязательно так смеяться...

Красоткин с большим трудом вернул себе серьезное выражение лица, но, едва взглянув на меня, снова рассмеялся.

– Ох, прошу прощения! Второй раз так смеюсь за последнее время. Удивительно, что эта идея пришла в голову аж двум людям! Только умоляю, не думайте, что этот второй человек – я. Нет, ну это ж надо придумать: Алеша хочет воскресить Адама!

– А кто же тогда второй?

Красоткин перестал смеяться, выждал театральную паузу. Уловив мой взгляд, пожал плечами и ответил:

– Федоров. Даже письмо мне написал, чтобы я, если отправлюсь в Гиндукуш, внимательно смотрел по сторонам. Эта местность очень его интересует. Он большой сторонник ностратической теории о языковой макросемье.

– Макросемье?... – как попугай повторил я, сбитый с толку очередной переменной темы.

– Знаете про языковые группы? Вы наверняка в курсе, что в санскрите много протоформ в сравнении с европейскими языками? А ностратический язык – это язык-предок еще на ступеньку выше, предок всех индоевропейских языков. Мой учитель считает, что он зародился где-то здесь, в Гиндукуше.

Закончив свое объяснение, приосанившийся было Красоткин снова согнулся от хохота. Лично я нахожу, что люди выглядят куда нелепее, когда дважды смеются над одной и той же шуткой.

Адам и его могила. Первый человек, первые слова. Если род людской зародился в Эдеме, то и язык у всех людей поначалу был общий. Он распространился по всей земле, но раскололся, когда рухнула Вавилонская башня. Адамов язык. Тот, на котором он назвал всех животных. Эдем и могила Адама. Пламенный меч, что охраняет райский сад от живых людей. Первая смерть, первый мертвец.

Я будто сплю.

И бреду в своем окоченелом сне. Слова путались в голове, осколки разных былей сплавлялись в единый ком и вращались в горный пейзаж вокруг.

VII

И вот мы достигли конца своего пути.

Город Файзабад в провинции Бадахшан разделялся надвое рекой Кокчей. Со всех четырех сторон его естественной крепостью окружали горы, в известной степени обеспечивая ему автономность. За бадахшанскими горами опять сменился этнический состав, нам стало встречаться много таджиков, узбеков и киргизов. Это различие мы заметили даже невооруженным глазом, а переводы Пятницы только подтвердили наши догадки.

Ваханский коридор на северо-востоке Афганистана, возле Файзабада, был сложным проходом через Гиндукуш и служил одной из немногих связующих ниточек меж Афганистаном и Китаем. Красоткин сказал, что этим маршрутом пользовался буддийский монах со сложным именем (что-то вроде Сюаньцзан) и Марко Поло, но мне подумалось, что наш русский приятель опять травит байки. Необязательно вспоминать громкие имена: и так понятно, что люди тут ходят. Ландшафт вокруг крутой и суровый, так что буддизму, который здесь зародился, потребовалось несколько сот лет, чтобы распространиться на восток.

Кокча текла отсюда и сливалась с Амударьей у спящих на севере руин Ай-Ханума²⁹, очерчивая природную границу Афганистана. По пути Амударьи к Аральскому морю располагалось Хивинское ханство. От некогда главного в Греко-Бактрийском царстве Ай-Ханума теперь тоже остались только развалины, он заброшен и ждет, выгорая под солнцем, разве что археологов.

Жители Файзабада привыкли к мертвецам. Если они и бросали на Пятницу косые взгляды, то только потому, что в этих местах редко можно встретить юного мертвеца без серьезных увечий.

Файзабад процветал как месторождение ляпис-лазури. Синий камень, который во всем свете больше почти нигде и не сыщешь, вайдурья³⁰. В его основе – лазурит. Не моно-, а поликристалл из нескольких слоев минералов. Иногда в него вкрапляется «золото дураков», пирит, и тогда к густой синеве примешивается сияние ночного неба. Им торгуют с допотопных времен, а по Западу и Востоку он разошелся, как считается, от египетских до японских древнейших династий. Его находят среди украшений мумий, и даже скрижали с десятью заповедями, что получил Моисей на горе Синай, как говорят, были инкрустированы ляпис-лазурью. А как сырье для ультрамариновой краски он ценится на вес золота.

Теперь стало понятным, как Барнаби узнал о царстве мертвецов раньше любых секретных служб: исключительно из-за удачной географии. Дабы уйти от беспорядков, которые вызвали маневры Британской и Российской империй, торговцы ляпис-лазурью отказались от сухопутных маршрутов и отправились в путь по Амударье. На этом пути оказалось и Хивинское ханство.

В Файзабаде прилавки ломились и от лазуриновой породы, и от ожерелий, колец и браслетов, которые инкрустировали обработанной ляпис-лазурью. Торговцы, сразу приметив в нас путешественников, загалдели.

– Ага, похоже, работенка есть! – сказал Барнаби.

Раз карамазовское царство находится где-то рядом, то можно выяснить его источник дохода. Если запастись пищей и водой и не ремонтировать мертвецов, то содержать этих нетребовательных работяг почти ничего не стоит. Однако чтобы надолго осесть в одном месте, этого мало. Я подумал было про опиум, но мертвецы плохо справляются с сельским хозяйством.

²⁹ Ай-Ханум (Александрия Оксианская) – эллинистический город Греко-Бактрийского царства, был разрушен около 135 года до н. э. Руины античного города были обнаружены в 1964 году.

³⁰ Вайдурья – тибетское название мистического драгоценного камня. Одни исследователи считают, что так в древности именовали лазурит, другие – хризоберилл («кошачий глаз») или александрит.

Будь у них несколько надсмотрщиков – это другой разговор. А вот разработка месторождений – занятие самое подходящее, копай себе и копай. Своды шахты обвалятся – ничего страшного. Затопит – ну и пусть. Раньше английские угольные шахты пользовались печальной славой из-за того, что в особо узких тоннелях работали дети, но теперь в этой отрасли мертвецы не знали себе равных. Они трудились плечом к плечу с живыми шахтерами, но могли, не поведя и бровью, спуститься туда, куда люди даже не сунутся. Британское правительство активно вербовало инженеров, которые специализировали мертвецов на прокладку и защиту подводных кабелей.

– Значит, месторождения! – подвел итог Барнаби, но Красоткин не обратил на него никакого внимания и стал вместо этого перебирать куски лазуритовой породы: ищите, мол, пожалуйста, а я пока тщательно осмотрю каждый непрозрачный синий камень на свет. В общем, всем видом показывал, что помогать нам не собирается. Он бы вообще предпочел оставить Карамазова в покое. Вслух Красоткин этого не говорил, но и не скрывался. На задании он делился всеми знаниями, которые помогли бы нашей группе выжить, но сверх необходимого молчал, а все активные действия, видимо, решил оставить нам на откуп.

Мы очень быстро разузнали про рабочих мертвецов. Их оказалось такое количество, что глаза разбегались. Похоже, беспокойные для страны времена принесли в город и новое слово техники: мертвецы то и дело попадались нам в толпе местных жителей – кто без руки, кто без ноги. В этом мире достаточно людей (не будем тыкать пальцами), которые ни в грош не ставят воображаемую линию государственной границы, но тут, судя по всему, и само это слово понимали очень смутно. Мне бросилось в глаза, что у многих прилавков стояли условно к ним привязанные потрепанные франкенштейны. Похоже, жители Файзабада надеялись, что мертвецы в случае чего их защитят, а потому и относились к ним очень дружелюбно.

– Мы опасаемся призраков! – объяснил нам самопровозглашенный «местный воротила», который сначала попытался нарваться на драку с Барнаби, а потом об этом пожалел. Этот человек притащил для нас целую гору подушек, а сам сидел прямо на жестком полу, боязливо оглядываясь на гордо распивающего чаек капитана. Изолированное расположение земель привило местным жителям определенное свободолобие. Правители в эту эпоху менялись один за другим, но местный уклад оставался более-менее прежним. Если бы не прочные корни, их бы давно уже отсюда смыло – и скитаться этим людям без пристанища меж Афганистаном и Китаем.

– А что до человека, про которого вы спрашиваете, так он засел глубже в горах!

Не понадобилось даже описывать внешние приметы Карамазова, достаточно оказалось спросить про «чудаковатого одержимого русского» и чтобы Барнаби хрустнул кулаками, да положить сверху несколько фунтов – и человек выдал его с потрохами. Только по имени этот незадачливый воротила, кажется, Алексея не знал. Похоже, Карамазов не скрывался, да и чужак в этих краях все равно привлекает взгляд. То есть в местной толпе может затеряться много кто, но только не европеец. Похоже, его единственная защита – та черепашня скорость, с которой тут разносится информация. Но Карамазов, кажется, и об этом подумал.

– Вот только он уже пару месяцев не объявлялся. Его посредник пропал. То ли скончался, то ли сбежал. А где сам он – я того точно не знаю. Его видели в одном старом месторождении в горах, но он, насколько я знаю, постоянно переходит с места на место. Всегда приносит камни высшей пробы, поэтому быстро разбогател, но странное дело: вроде он специально копает, а ляпис-лазурь ему как будто не нужна при этом. А когда про него последний раз слышали, он якобы строил какие-то дома.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.